ЛМ
3-43
Зверства
прошевни-
ка.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
1-го КАДЕТСКАГО КОРПУСА.
Отдѣлъ XI.
№ 1075. Хронологическаго каталога.
№ 364. Систематическаго каталога.
Тип. Рашкова.

ЛМ
343
Звѣрства
противника.
146306.

Срок возврата
книги:

Звѣрства противника

Скобелевскій комитетъ

Объединенная библиотека И. К. П. 146306

1-го Кадетскаго корпуса библиотека

Петроградъ

ЛМ
343

ЗВѢРСТВА ПРОТИВНИКА

ВЪ ОЧЕРКАХЪ И ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ДОКУМЕНТАХЪ

1-го КАДЕТСКАГО
БИБЛІОТЕКА
КОРПУСА

ИЗДАНІЕ СОСТОЯЩАГО ПОДЪ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ
СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА О РАНЕНЫХЪ. ПЕТРОГРАДЪ. МЫТНИНСКАЯ УЛ., 27.

Очерки настоящаго альбома составлены В. Л. КУБЛИЦКИМЪ-ПИОТТУХЪ на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ на мѣстахъ, а фотографическіе снимки, не исключая и цвѣтныхъ, сдѣланы авторомъ непосредственно съ объектовъ звѣрства.

Скобелевскій Комитетъ.

Петроградъ. Дозволено военной цензурой 2—V—1916 г.

1-го КАДЕТСКАГО КОРПУСА БИБЛІОТЕКА

Кругомъ струится мягкая, прозрачная и дымчатая ночь Полѣсья. Небо покрыто нескончаемой пеленой облаковъ, легкихъ и недвижныхъ. Луны не видно, но она чувствуется вездѣ: въ пятнахъ тающаго снѣга, въ темномъ и причудливомъ кружевѣ голыхъ вѣтвей лѣса, въ черной, какъ уголь, дорогѣ съ глубокой, разъѣзженной колеей, наконецъ, въ равнинной дали полянъ, вдругъ вырывающихся изъ одного лѣса и спокойно убѣгающихъ въ другой, далекій и невѣдомый... Всюду ровно до скуки... Всюду неясно и туманно, какъ лѣтнею ночью въ тихой заводи.

Мы идемъ вчетверомъ вдоль лѣсной дороги, скользя по осклизлымъ откосамъ, цѣпляясь шинелями за торчащіе сучья, временами увязая ногами въ топи небольшихъ котловинъ. ЧАРТОРИЙСКЪ

Со мной—унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ. Унтеръ-офицеръ идетъ непосредственно за мной, и я ясно слышу его громкое дыханіе и недовольный шопотъ, когда онъ спотыкается о сучья или попадаетъ въ грязь:

— Э-э... чортъ! Набросало васъ тутъ!..

или:

— Вотъ-то грязь, прости Господи... Быдто нѣмецъ напакостилъ...

Лѣсъ кончился... Потянулась унылая равнина поля съ бѣлыми пятнами талаго снѣга... Несмотря на дымчатый свѣтъ невидимой луны,

заволакивающій рѣзкость контуровъ, пятна снѣга контрастно бѣлѣютъ среди мрака земли и какъ-то надавливаютъ на душу, поселяя въ ней рядъ тоскливыхъ движеній.

Намъ надо пробраться въ Чарторійскъ. Это грязное всегда, а особенно теперь, мѣстечко находится въ такъ называемой нейтральной зонѣ. Всякій, кто бывалъ на войнѣ, знаетъ, что такое нейтральная зона. Это то проклятое мѣсто земли, гдѣ днемъ воютъ наши и вражескіе снаряды, свистятъ, не умолкая ни на одну минуту, пересѣкающіяся траэкторіи пуль, а ночью, прилипши къ землѣ, бродятъ и стерегутъ врага черныя тѣни дозорныхъ и развѣдчиковъ, насупившіяся и угрюмыя...

Мы идемъ быстро и по нашимъ предположеніямъ находимся уже невдалекѣ отъ цѣли... Подходимъ къ линіи нашихъ окоповъ, густо населенныхъ, но какъ-то жутко-молчаливыхъ и кажущихся бездонными... Разыскиваемъ ротнаго командира. Онъ только-что забылся тревожнымъ сномъ войны, а потому недоволенъ, что его разбудили, и подходитъ къ намъ медленной и раскачивающейся походкой человѣка, вся брюзжащая фигура котораго говоритъ: «Ну, вамъ-то еще какого чорта здѣсь надо?» Ежась отъ холода и часто сплевывая, онъ рѣшительнымъ движеніемъ нахлобучиваетъ на глаза шапку и выше поднимаетъ воротникъ шинели. Видными остаются только темные, глубоко сидящіе въ орбитахъ глаза и очертанія мягкаго славянскаго носа.

Нехотя приложивъ къ козырьку руку, онъ говоритъ:

— Командиръ роты. Чѣмъ могу служить? Я объяснилъ...

— Петряевъ! Назначь кого-нибудь толковаго... Вотъ, съ ихъ благородіемъ въ Чарторійскъ пойдетъ... Назначь лучше изъ развѣдчиковъ... Есть кто-нибудь?

— Такъ точно, Ваше Высокородіе...

Черезъ пять минутъ мы уже впятеромъ, молча, сливаясь съ мглой ночи, двигаемся впередъ... Прозрачныя облака уже куда-то сбѣжали съ неба, уступивъ мѣсто болѣе темнымъ клубящимся тучамъ... Кругомъ стало сумрачнѣе, а потому и тише. Человѣкъ всегда почему-то, въ обманчивой игрѣ утомленныхъ нервовъ, сочетаетъ свѣтъ съ шумомъ, если даже такового нѣтъ, а темноту съ тишиной... Здѣсь сказывается, вѣроятно, ассоціація привычныхъ жизненныхъ впечатлѣній, пріучившихъ насъ считать день синонимомъ движенія, дѣйствія, звуковъ, а ночь—синонимомъ тишины и покоя...

Идя, мы наталкиваемся на полевой караулъ:

— Кто идетъ?

— Свои.

Откуда-то вылѣзаетъ черная, какъ все кругомъ, тѣнь и подходитъ къ намъ, ощупы-

вая насъ острымъ взглядомъ почти невидимыхъ глазъ.

— Кто свои?

Разсказываю «кто свои» и «почему именно свои»...

По мѣрѣ движенія впередъ солдатики все больше съеживаются, инстинктивно замедляютъ шагъ, стараются ступать осторожнѣе и какъ-то затихаютъ. Даже идущій за мной унтеръ-офицеръ начинаетъ дышать не такъ громко, забываетъ свою добродушную воркотню, и я перестаю его слышать.

Тьма и одиночество рождаютъ осторожность, подчасъ, нервную и болѣзненную...

Иногда мы коротко останавливаемся при звукѣ шороха, внезапно колыхнувшаго ухо изъ липкаго мрака, и прислушиваемся...

— Никакъ ходитъ кто-то...

На минуту всѣ мы вростаемъ въ землю и пронзаемъ темное пространство иглами пяти паръ глазъ и ушей. Унтеръ-офицеръ отдѣляется, осторожно ползетъ въ сторону послышавшагося шороха и постепенно таетъ въ темнотѣ ночи... Минута... двѣ... три... пять... Мы всѣ прилипаемъ взглядомъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ исчезъ.

Храмъ въ Чарторійскѣ до разрушенія.

Его фигура, однако, вырастаетъ неожиданно какъ упавшій камень, но много правѣе, двигаясь во весь ростъ съ какой-то аффектированной бодростью.

— Никакъ нѣтъ... Никого... Послышалось, значится...

Идемъ дальше... Вдругъ мы всѣ, какъ по командѣ, замираемъ и прижимаемся къ землѣ... Впереди два человѣка...

— Нѣмцы!..

Гораздо больше движеніями рукъ, чѣмъ шопотомъ, слышнымъ однимъ намъ, мы рѣшаемъ планъ «атаки»... Я съ двумя нижними чинами

«наступаю» слѣва, унтеръ-офицеръ съ двумя—справа, а съ фронта—молодой солдатикъ, который еще передъ отправленіемъ въ Чарторійскъ все говорилъ, самодовольно ухмыляясь:

— Повидите, что нѣмца опять колоть будемъ... безъ энтаго нельзя... Я два раза лазилъ въ Чарторійскъ... Два раза кололъ... Ей Богу—правда...

Извиваясь какъ змѣи, мы полземъ по землѣ, охватывая кольцомъ двухъ стоящихъ людей... Мы совсѣмъ уже близко... Вдругъ со стороны солдатика, два раза уже коловшаго противника въ Чарторійскѣ, раздается смѣхъ, и онъ вскакиваетъ...

— Нѣмцы... Хороши тебѣ нѣмцы...

Передъ нами стоятъ два столба...

Наконецъ, мы въ Чарторійскѣ... Онъ весь разрушенъ и сожженъ противникомъ... Передъ нами церковь, странно бѣлѣющая своими истерзанными стѣнами среди мрака. Это—старинный костелъ князей Чарторійскихъ, обращенный впослѣдствіи въ православную церковь. До разрушенія онъ былъ однимъ изъ тѣхъ храмовъ, которые красивы той простой красотой, какую умѣли выявить въ архитектурѣ прошлаго люди, вѣроятно болѣе здоровые и болѣе цѣлостные, чѣмъ мы... Выстроенъ въ стилѣ бароко... Бѣлый, какъ только что выпавшій снѣгъ... Внутри его замѣтна странная смѣсь православія съ католицизмомъ, въ одно и то-же время и колющая, и трогательная. Большой алтарь—православный, но справа и слѣва оставлены католическіе малые алтари. Статуй нѣтъ нигдѣ, но сохранилась слѣва, у колонны, характерная для католическихъ костеловъ «амвона», съ лѣсенкой, откуда произносятся проповѣди. Уцѣлѣли огромные хоры, разсчитанные въ прошломъ, очевидно, на мощный органъ...

Мы съ трудомъ отыскиваемъ въ безпорядкѣ разрушенія крошечный лазъ внизъ, въ подземелье, и спускаемся туда по каменной лѣстницѣ. Холодная тьма и отсырѣвшіе кирпичи стѣнъ цѣпко впиваются въ напряженные нервы... Зажигаемъ свѣтъ... Входимъ въ сводчатый коридоръ, узкій и кажущійся безконечнымъ... По сторонамъ его—ниши. Въ этихъ нишахъ впродолженіе долгихъ вѣковъ стояли гробы, заключавшіе въ себѣ набальзамированные останки князей Чарторійскихъ. Гробы всѣ—деревянные, старательно сдѣланные изъ потемнѣвшаго отъ времени дуба и частью затянутые траурной матеріей.

Съ этими гробами и съ столь долго покоившимися въ нихъ, въ оковахъ смерти, трупами, противникъ поступилъ жестоко и кощунственно. Всѣ безъ исключенія гробы взломаны, причемъ это сдѣлано съ той грубостью и

Разгромленный склепъ князей Чарторійскихъ въ Чарторійскомъ храмѣ.

Чарторійскъ. 1. Видъ сожженной и разграбленной части селенія. Женщинъ поголовно насиловали. Напр. Хавронью Бойко на 2-й день послѣ родовъ, не обращая вниманія на ея мольбы, изнасиловали подрядъ, заразивъ страшной болѣзнью, 6 нѣмцевъ. Каждый совершилъ преступленіе по три раза. Изнасилованіе было совершено въ присутствіи 80-лѣтняго Григорія Судуса и его жены, которыхъ заставили смотрѣть на ужасъ. Многіе жители заколоты (90-лѣтній крестьянинъ Большакъ и др.). 2. То-же. На первомъ планѣ — трупъ убитаго жителя

топорностью, которой отличаются всегда дѣйствія противника, когда онъ становится звѣремъ. Трупы вывалены изъ гробовъ—замѣтьте—именно вывалены, въ страшныя груды закостенѣвшихъ тѣлъ безъ головъ, безъ начала и безъ конца... Очевидно, вначалѣ противникъ для удобства работы вытаскивалъ гробы изъ нишъ, подносилъ ихъ ближе къ входу, гдѣ сверху, въ небольшое отверстіе лаза, струились тихіе лучи дня, и здѣсь производилъ свою операцію разгрома. Въ этомъ мѣстѣ замѣтенъ особенно жуткій безпорядокъ и особенно много костей, череповъ, обрывковъ одежды и дерева. Потомъ это ему, вѣроятно, надоѣло, и онъ началъ неистовствовать вездѣ, гдѣ находилъ мертвецовъ: въ нишахъ, на полу коридоровъ, даже наверху, въ храмѣ.

Я нашелъ, у лаза, выходя изъ подземелья, двѣ высохшія головы и осторожно отнесъ ихъ обратно, положивъ въ гробъ... Пусть лежатъ, пока не прійдутъ снова злые люди, и снова ихъ не оскорбятъ...

По трупамъ, видимо, ходили, дробя ихъ сухіе остатки каблуками солдатскаго сапога... Въ сторонѣ валяется желѣзная лопата и ломъ... Орудія преступленія...

Большинство головъ отбито, и онѣ одиноко скалятъ изъ мрака свои желтые зубы...

Въ углу—груда истлѣвшихъ костей...

Нѣкоторые мертвецы, благодаря какой-то странной игрѣ рока, болѣе другихъ пощажены и временемъ, и врагомъ... У одного можно различить даже выраженіе желтаго, какъ оберточная бумага, съ истлѣвшими волосами лица. Сохранилась даже полосатая лента, одѣтая черезъ правое плечо... На груди шитая звѣзда...

Въ одной изъ нишъ покоилось 7 труповъ, по всей вѣроятности, цѣлое поколѣніе князей Чарторійскихъ... Среди нихъ молодая женщина, одѣтая въ парчевый нарядъ, покрытый какой-то странной корой... Очевидно, благовонныя масла, смѣшавшись съ выдѣленіями тѣла, просочились, уже на мѣстѣ вѣчнаго упокоенія, сквозь мертвую кожу и платье и застыли въ видѣ страшной костяной массы... На крошечныхъ ножкахъ—парчевыя туфли... Миніатюрная головка, прелесть которой чувствуется еще и теперь, съ ровными, какъ жемчугъ, зубами, съ длинными, великолѣпно сохранившимися каштановыми волосами, отбита и отброшена въ сторону на нѣсколько шаговъ... Я благоговѣйно кладу ее на мѣсто...

Вотъ часть того страшнаго цѣлаго, которое обожгло меня гримасой ужаса въ подземельѣ Чарторійскаго храма...

Что касается самой церкви, то она, конечно, ограблена и изнасилована, какъ многія церкви, встрѣтившіяся на пути противника... Взломаны и измяты кружки для сбора пожертвованій обездоленному человѣчеству.. Взло-

мана стойка для продажи свѣчъ, взломаны шкафы, взломаны ящики... Алтарь опустошенъ: престолъ разрушенъ, священные предметы частью истреблены на мѣстѣ, частью унесены... Одно паникадило уцѣлѣло, а другое разбито, и куски его брошены у храма... Металлическія ризы съ иконъ сорваны, но потомъ выяснилось, что онѣ не серебряныя... Онѣ также брошены... Всюду на полу — иконы... Онѣ оскорбительно валяются среди мусора, жалкія и измятыя ногою преступника... Все говоритъ о томъ, что кощунство въ Святомъ Мѣстѣ производилось длительное, старательное, оканчивавшееся сегодня для того, чтобы снова начаться завтра... Жители утверждаютъ, что въ храмѣ кощунствовали не только нижніе чины, но и офицеры германской арміи. . . . . .

. . . . . .

...Мы возвращаемся обратно, къ своимъ линіямъ, въ глубокомъ, ничѣмъ ненарушимомъ молчаніи...

На востокѣ начинаютъ уже теплиться первыя, неясныя полосы утра. Ночной холодокъ заползаетъ за воротники шинелей и въ рукава, заставляя насъ ежиться и прибавлять шагу...

Уже когда мы находимся далеко отъ Чарторійска, молодой солдатикъ, дважды коловшій въ немъ нѣмцевъ, вдругъ нервно дергается, какъ-бы стряхивая съ себя тяжесть послѣднихъ впечатлѣній, и говоритъ:

— Э-э-хъ! Сегодня-бы нѣмца заколоть славно!

А потомъ, вдругъ спохватившись, онъ снова съеживается и тихо, съ разстановкой, словно про себя, прибавляетъ:

— Скверно онъ «энто» сдѣлалъ... Не будетъ ему отъ Бога прощенія...

Унтеръ-офицеръ тягостно вздыхаетъ и дѣлаетъ рукой какой-то неопредѣленный жестъ—не то угрозы, не то мучительнаго недоумѣнія...

— Ваше Высокородіе... Разрѣшите закурить... Замерзли больно... Да и на душѣ ужъ оченно неладно...

И въ сѣрѣющемъ воздухѣ поля вспыхиваютъ огоньки никакъ не зажигающейся спички...

Разгромленные гробы въ склепѣ князей Чарторийскихъ.

УЖАСЪ НА СТАНЦІИ РАДЗИВИЛИШКИ.

Вхожу въ залъ 1-го и 2-го класса въ Радзивилишкахъ, одной изъ станцій желѣзной дороги Куряндскаго театра войны, приковавшей къ себѣ упорное вниманіе противника. Въ самомъ началѣ кавалерійскаго налета она была захвачена непріятелемъ, обращена имъ въ конюшню, а затѣмъ, подъ напоромъ нашихъ войскъ, оставлена имъ грязной, наполненной навозной соломой и отбросами. Тотчасъ по мѣрѣ силъ и возможности ее привели въ порядокъ, разставили чудомъ уцѣлѣвшіе нѣсколько стульевъ и скамеекъ, открыли примитивный буфетъ...

Сидя въ залѣ и слушая нервные свистки маневрирующихъ паровозовъ и металлическій стукъ буферовъ, ударяющихся другъ о друга при сцѣпкѣ вагоновъ, вамъ не можетъ прійти и въ голову, что еще столь недавно въ этомъ самомъ залѣ разыгралась драма, закончившая жизнь четырехъ нашихъ сѣрыхъ героевъ. Только подозрительныя коричневато-сѣрыя пятна на штукатуркѣ оконныхъ простѣнковъ и у большой печи невольно вырываютъ у васъ болѣзненный вопросъ:

1. Залъ ст. Радзивилишки съ 2-мя печами, гдѣ былъ произведенъ разстрѣлъ. 2. Пятна крови на стѣнѣ станціи.

Окрестности станціи Радзивилишки. 1. Дер Векшняны, Ковенск губ Послѣ разграбленія сожжена при помощи особыхъ зажигательныхъ ракетъ, которыя бросались въ кровли Женщины, какъ вездѣ, насиловались Населеніе, включая стариковъ и дѣтей, подверглось различнымъ истязаніямъ Напримѣръ, старикъ 75 лѣтъ Шишко былъ до полусмерти избитъ прикладами. 2. Дер Жовеники, Ков губ совершенно разграблена и сожжена Во всей деревнѣ не осталось ни одного запора, который не былъ-бы взломанъ Взломаны всѣ запертыя двери и окна избъ, сараевъ, амбаровъ, кладовыхъ, сундуковъ, шкаповъ и т. п 3 Сожженная и разграбленная дер Шапнаги, Ковенск губ Населеніе этой деревни подверглось особенно сильнымъ истязаніямъ

— Что это такое?

Изъ опросовъ оставшихся послѣ эвакуаціи нами станціи лицъ *), вамъ удается выяснить въ общихъ туманныхъ чертахъ, разыгравшійся здѣсь ужасъ. Схема его, какъ всегда и вездѣ, проста. Германцы взяли въ плѣнъ 4-хъ раненыхъ нижнихъ чиновъ-ополченцевъ. Задали рядъ вопросовъ о расположеніи нашихъ войскъ. Въ отвѣтъ—гробовое молчаніе. Вслѣдъ за молчаніемъ—звѣрское избіеніе раненыхъ плѣнныхъ, утонченная пытка и, наконецъ, роковая стѣна...

Поставили, тутъ-же на глазахъ зарядили винтовки и тутъ-же однимъ залпомъ рѣшили страшный вопросъ о четырехъ жизняхъ...

Мнѣ не удалось узнать ни именъ четырехъ трагически погибшихъ нижн. чиновъ, ни получить какихъ-либо свѣдѣній о вражеской части расквартированной на станціи Радзивилишки, но я знаю, что легенды, которыя будутъ мрачно бродить около кровавыхъ пятенъ, надолго переживутъ совершившихъ злое дѣло людей, призывая насъ и дѣтей нашихъ къ мести...

*) Среди многихъ другихъ заслуживаетъ вниманія показаніе Анны Головко, нѣмки по происхожденію

СЕСТРА МИЛОСЕРДІЯ ПЕТРОВСКАЯ

Я ее нашелъ въ одномъ изъ госпиталей Поневѣжа, уѣзднаго города Ковенской губерніи, тихаго, чистаго, широко-разбросавшагося своими окраинами, застроенными почернѣвшими отъ времени рублеными домами...

Сестра милосердія Петровская

Вхожу... Маленькое, тщедушное, миловидное существо съ огромными недоумѣвающими глазами газели — неподвижно распластано на больничной койкѣ... Худая, истомленная... Вся какая-то не настоящая, восковая, похожая своей желтой головкой и тѣльцемъ на тѣ фигуры изъ воска, которыя выставляются обыкновенно въ стеклянныхъ витринахъ паноптикумовъ. Отворачивается, упорно молчитъ, боязливо озираясь по сторонамъ... Временами застѣнчиво и растерянно улыбается не вамъ, а чему-то своему, ей одной извѣстному и при этомъ краснѣетъ не только лицомъ, но шеей, маленькими ушками, теменемъ головы... Фамилія ея Петровская. Она—сестра милосердія 6-го головного рижскаго перевязочнаго отряда, случайно взятая въ плѣнъ германскими войсками въ Курляндіи и явившаяся безпомощнымъ объектомъ ихъ безчеловѣчности. Съ нею самой, конечно, не о чемъ было разговаривать. При звукѣ незнакомаго голоса она начинала безпокойно метаться, молчала, но всѣмъ своимъ существомъ настойчиво и упорно говорила: «уйдите»...

Трагедію этой маленькой жизни, этого крошечнаго женскаго тѣла, я узналъ отъ врачей госпиталя, въ которомъ она лежала. Одинъ краткій рядъ выписокъ изъ официальнаго документа, лежащаго передо мной, рисуетъ весь ужасъ пережитаго несчастной

лѣвушкой. Вотъ эти выписки въ той ихъ части, которая можетъ быть оглашена въ печати:

«Больная была найдена въбезсознательномъ состояніи въ лѣсу, въ окрестностяхъ города Шавель, однимъ изъ нашихъ отрядовъ, доставившимъ ее въ госпиталь... Взявъ въ плѣнъ, германцы отвезли больную на подводѣ въ окопы... Здѣсь ее раздѣли до нага и въ теченіе 1½ недѣль издѣвались надъ нею, насиловали ее десятками и сотнями, причемъ въ этомъ принимали участіе не только нижніе чины, но и офицеры германской арміи... Подробностей всего происшедшаго съ ней больная не можетъ разсказать, такъ какъ при воспоминаніи о всемъ пережитомъ начинаетъ истерически рыдать... Осмотромъ, произведеннымъ черезъ сестру милосердія, установлено, что на тѣлѣ ея имѣется нѣсколько значительныхъ кровоподтековъ: на лѣвомъ плечѣ, бедрахъ и правой голени... Больная жалуется на боли внизу живота... Температура поднялась до 42°, боли въ животѣ усилились, появилась рвота. Развилась полная картина воспаленія брюшины и клѣтчатки, окружающей матку... 18 мая въ 10 час. вечера съ больной случился первый припадокъ, выражавшійся въ сильныхъ тоническихъ судорогахъ во всемъ тѣлѣ, запрокидываніи головы, длительномъ помраченіи сознанія... Во время одного изъ позднѣйшихъ, часто слѣдовавшихъ одинъ за другимъ припадковъ, больная часто повторяла фразу: «Боже мой, за что вы меня мучаете, лучше убейте меня».

Ко всему этому надобно прибавить, что несчастная заражена роковой болѣзнью.

Вотъ все, что я увидѣлъ и узналъ въ посѣщенномъ мною госпиталѣ. Больше ничего. Драму одной маленькой женской жизни, исковерканной фундаментально и навѣки. Но какимъ извергомъ надо быть, чтобы такъ ее исковеркать!

Шопенъ... Послѣдніе дни я много и грустно думаю о немъ...

Въ жизни часто случается такъ, что мысль, вспугнутая какимъ-нибудь ужасомъ, начинаетъ биться, какъ птичка о золоченые прутья клѣтки, одновременно и стараясь уйти отъ этого ужаса, и мучительно возвращаясь къ нему все снова и снова.

Такъ и со мной эти дни. Въ душѣ моей прочно поселился обаятельный образъ, и я не могу и не хочу уйти изъ его болѣзненнаго плѣна... Молодое, задумчивое лицо съ тонкой улыбкой и вьющимися волосами, лицо, на которомъ горятъ розовыя пятна румянца, зажженнаго чахоткой, глядитъ на меня, куда бы я ни шелъ и что бы я ни дѣлалъ... Въ душѣ воскресаютъ милые звуки проникновенныхъ мелодій, въ одно и то же время легкихъ и глубокихъ, ясныхъ и возвышенныхъ, улыбающихся и мощныхъ... А надъ ними снова мигающій образъ великаго человѣка, но уже въ хороводѣ ласкающихъ вальсовъ, бодрящихъ мазурокъ, полонезовъ, балладъ и ноктюрновъ...

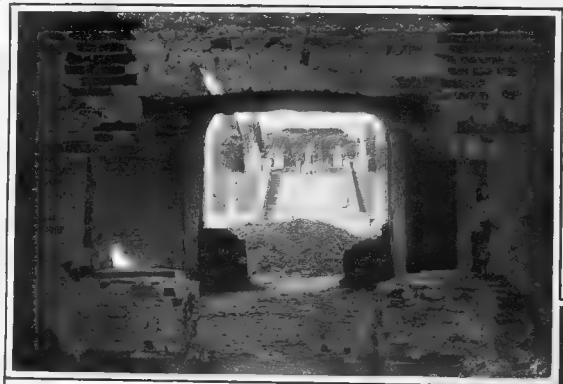
Причиной этому — нѣсколько грустныхъ часовъ, проведенныхъ у дома, гдѣ когда-то жилъ и творилъ Шопенъ, и гдѣ недавно еще все дышало дорогою тѣнью. Въ залѣ стоялъ «его» рояль, его любимый рояль. Въ огромномъ помѣщеніи библіотеки хранились «его» рукописи, до такой степени ревниво чтимыя въ семьѣ владѣльца, что онѣ не были даже изданы, чтобы никто другой не могъ услышать ихъ дивныхъ мелодій. Въ спальнѣ стояла «его» кроватъ, «его» столикъ, маленькіе и трогательные предметы «его» домашняго обихода. Все это находилось еще столь недавно въ одномъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщичьихъ домовъ Томашовскаго уѣзда, я бы сказалъ даже во дворцѣ, принадлежащемъ ВЫДЖГѢ, преемнику наслѣдниковъ генерала МИРРА, извѣстнаго строителя знаменитыхъ Мировскихъ казармъ въ Варшавѣ, у котораго сто лѣтъ назадъ часто гостилъ композиторъ *).

И всего этого теперь уже нѣтъ...

Жестокій врагъ, совершая прошлой осенью свое опустошительное, хотя и мимолетное вторженіе, предалъ все дорогое и, по существу, невозвратимое огню и мечу, несмотря на то, что оно дорого и невозвратимо, а, можетъ быть, именно поэтому.

Весь домъ превращенъ въ черныя развалины. Въ немъ стоялъ Штабъ одного изъ крупныхъ непріятельскихъ войсковыхъ подраздѣленій, чины котораго, по своемъ уходѣ, отдали домъ войскамъ на разграбленіе. Отъ зала, отъ библіотеки, отъ спальни остались лишь мрачные и страшные остатки стѣнъ.

*) Имѣніе расположено у Вожучина, Холмск губ



1. Сожженная библіотека, гдѣ хранились рукописи Шопена.
2. Комнаты, въ которыхъ жилъ Шопенъ

Вездѣ — груды чернаго кирпича, проемы оконъ и дверей, широко глядящіе пустыми глазами, и жуть, притаившаяся во всѣхъ углахъ, ползущая изо всѣхъ щелей. . . . . .

Какъ-то безотчетно грустно становится всегда на душѣ, когда видишь дерзновенно низверженное великое. Становится грустно, не за это великое, ибо оно вѣчно и неуничтожаемо, а за маленькихъ и жестокихъ людей, которые на него посягнули. Великое—какъ мраморный богъ. Оно съ молчаливой надменностью переноситъ удары дерзновенной руки, оно падаетъ ею сраженное, но оно знаетъ, что прійдетъ часъ, когда надъ преступной головой посягнувшаго протянется карающая рука, которая воздастъ ему въ мѣру его преступленія. . . . . .

Смѣется по настоящему тотъ, кто смѣется послѣднимъ.

«Доношу, что 26-го Апрѣля сего года въ дер. Верши былъ доставленъ казакъ 5-й особой Донской казачьей запасной сотни, отряда генерала Потапова—ФЕОДОРЪ ЦѢПИНЪ, 38 лѣтъ отъ роду, раненый и, уже послѣ ранения, изувѣченный нѣмцами при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Казакъ Цѣпинъ

18 Апрѣля сего года, въ 8—10 верстахъ отъ дер. Верши, ночью, германцы внезапно напали на деревню, названія которой казакъ Цѣпинъ не помнитъ. Находясь въ дозорѣ, Цѣпинъ закричалъ: «нѣмцы, нѣмцы», но при этомъ былъ раненъ пулей и упалъ на землю. Немедленно къ нему приблизилось нѣсколько нижнихъ чиновъ противника, которые начали его, уже раненаго, избивать ногами и прикладами, а затѣмъ какимъ-то острымъ орудіемъ, но не шашкой, перерѣзали ему горло и бросили. Отъ кровопотери онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ очнулся—непріятель былъ уже отброшенъ, и ему подавали помощь наши санитары. Показанія онъ даетъ письменно, такъ какъ говорить совершенно не можетъ, вслѣдствіе перерѣза дыхательнаго горла и передней стѣнки пищевода. Главный врачъ коллежскій совѣтникъ Оатъ. Старшій ординаторъ, докторъ медицины Эліасбергъ».

Все вышеизложенное включено въ рапортъ Главнаго врача лазарета № 1 одной изъ пѣхотныхъ дивизій *).

Казакъ Феодоръ Цѣпинъ скончался отъ звѣрски нанесенныхъ ему ранъ въ одномъ изъ военно-лечебныхъ заведеній, гдѣ онъ долго и напряженно страдалъ.

Я видѣлъ его въ послѣдніе дни его жизни, задыхающагося, желтаго и худого, но все еще красиваго той страшной красотой, которая свѣтилась, вѣроятно, въ лицахъ первыхъ христіанскихъ мучениковъ...

Что можно еще добавить къ потрясающимъ словамъ рапорта и къ факту мученической смерти, которой несчастный запечатлѣлъ свой жизненный подвигъ?..

*) 38-й пѣхотной дивизіи.

Меня окружаетъ молчаливая и сосредоточенная природа Карпатъ*). Смѣло и широко брошенные кряжи горъ дремлютъ, согрѣваемые солнцемъ весны. Строгія ели, то грустно-одинокія, то собирающіяся небольшими группами, то темными полосами лѣса бѣгущія по горнымъ хребтамъ, и ласкаютъ, и дразнятъ, и манятъ . . . . . .

Невдалекѣ, у опушки лѣса, десятокъ могилъ. На одномъ изъ крестовъ чернильнымъ карандашемъ сдѣлана надпись: «Здѣсь погребены 6 нижнихъ чиновъ такого-то полка. Миръ праху». Могилы сиротливо жмутся одна къ другой, сѣрыя, покрытыя крупными комьями неразбитой земли . . . . . .

Отхожу отъ нихъ и въ ужасѣ замираю. Что такое?

Передо мной, рядомъ съ какимъ-то незнакомымъ и замысловатымъ приборомъ и двумя жестянками съ бензиномъ, разбросавъ ноги и мучительно запрокинувъ голову, лежитъ человѣкъ, обращенный въ кусокъ угля. Мясо на ногахъ его выжжено до костей, сожжены даже кости, а вмѣсто лица—гримаса безобразной черной маски, безъ носа, безъ глазъ, безъ кожи. Сожжены сапоги, сожженъ поясной ремень, патронныя сумки, но металлическіе патроны остались лежать на своихъ мѣстахъ,

ГОРЮЧАЯ ЖИДКОСТЬ

*) 21-го Апрѣля 1915 года, Макувка

справа и слѣва, на вЫсотѢ поясницы. Верхняя частЬ шинели, невѢдомо почему, уцѢлѣла и лишЬ мѢстами покрЫта копотЬю...

Передо мной—нижній чинъ 147 пѢх. Самарскаго полка, одна изъ потрясающихъ жертвъ противника и его новаго средства борЬбЫ съ нами. Ему недостаточно всего того ужаса, котоРЫй имъ посѢянъ уже на поляхъ этой страшной войнЬ. Онъ не устаетъ и, вѢроятно, никогда не устанетъ бЫтЬ чудовищемъ. Онъ методически направляетъ въ живЬе глаза человѢка тонкое жало своего прибора, вЫбрасЫвающее струю огненной смерти... Онъ дѢлаетъ это, вѢроятно, такъ-же просто и такъ-же спокойно, какъ дЬшитъ, какъ пишетъ письмо на родину, какъ мѢняетъ вонючее бѢлЬе... Можетъ бЫтЬ, даже еще спокойнѢе!

. . . . . .

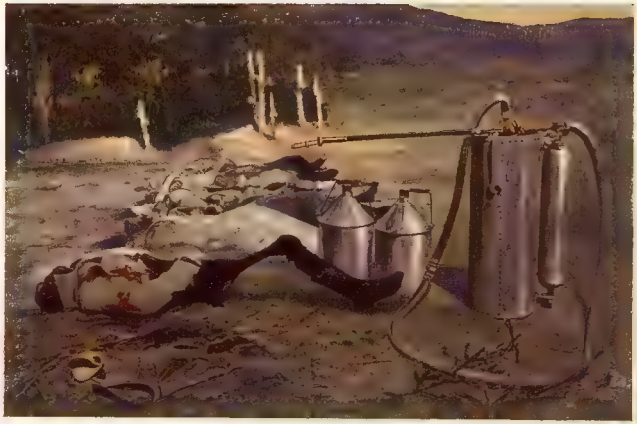
Трупъ, надъ котоРЫмъ я стою—не одинъ. Около него и за нимъ лежитъ еще много другихъ труповъ, превращенныхъ въ уголЬки . . .

. . . . . .

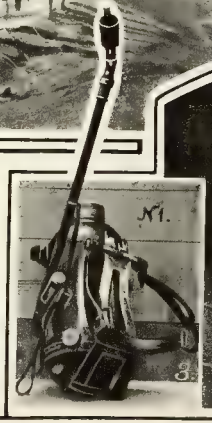
Кругомъ тишина... Изъ-за горъ, какъ звуки отдаленной грозЬ, временами доноСится какое-то густое погромЬхиванЬе. Донесется... и угаснетъ... И снова тихо . . . . . .

. . . . . .

А въ душѢ?..



Карпаты. Нижніе чины 147 пѣх. Самарскаго полка, сожженные горючей жидкостью.



Операціи въ Карпатахъ.

1. Полкъ на походѣ. 2. Захваченный нами австрійскій приборъ для выбрасыванія струи горючей жидкости. 3. Германскій приборъ, служащій для той-же цѣли. 4. Малый привалъ.

ХОЛМЩИНА

Стою на высокомъ холмѣ вблизи одного изъ нѣсколькихъ Майдановъ, разбросанныхъ въ Томашовскомъ уѣздѣ, у самой Галиційской границы, и жадно гляжу кругомъ.

Налѣво отъ меня тянутся безконечныя цѣпи родныхъ холмовъ, зеленыхъ и изрѣзанныхъ змѣевидными долинами, а направо, теряясь въ фіолетовомъ туманѣ пространства, стелятся безбрежныя равнины Галиціи. Широкія и привольныя, насыщенныя золотомъ весенняго солнца, ласкающія желтою зеленью своихъ луговъ и синевой далекаго лѣса, онѣ любовно и настойчиво зовутъ къ себѣ, какъ море, какъ разверзшаяся у ногъ пропасть, какъ все истинно-прекрасное или все истинно-большое.

Сегодня я покидаю Холмскую Русь, гдѣ мнѣ было и такъ больно, и, временами, такъ сладко. Покидаю милый уголокъ земли, гдѣ мягкое и очаровательное въ человѣкѣ такъ гармонически сочетались съ мягкимъ въ природѣ... На долго-ли?.. Кто знаетъ... Уѣзжая, я вмѣстѣ съ послѣднимъ «прости» мысленно возлагаю на могилу, подъ насыпью которой тревожно бьется въ агоніи истерзанное тѣло Холмщины, маленькій вѣнокъ, сплетенный изъ чувствъ глубокой симпатіи къ ней, болѣзненной жалости и мучительнаго возмущенія.

Теперь я нахожусь уже далеко отъ нея, слышу новые стоны и вижу иные огни пожаровъ, освѣщающихъ жуткую мглу ночи, а все-же жадною памятью, не знающей границъ времени и пространства, лечу къ ней, къ незабываемой Холмской Руси.

И все это, не смотря на то, что послѣдніе нѣсколько часовъ моего пребыванія въ ней она отравила мнѣ ядомъ напряженнаго горя, преслѣдовавшаго меня всюду, куда бы я ни ѣхалъ, съ какой-то фатальной настойчивостью.

Подумайте только. Всего нѣсколько послѣднихъ часовъ... Слѣдовательно, на языкѣ разстояній — всего два-три десятка послѣднихъ верстъ, а мимо протекло столько ужаса, подлиннаго и огромнаго, что онъ не вмѣщается ни въ сердцѣ, ни въ головѣ обыкновеннаго человѣка.

Всѣ приводимые ниже факты относятся, къ небольшой территоріи Томашовскаго уѣзда, Холмской губерніи, въ той ея части, которая придвигается совсѣмъ близко къ границѣ Галиційской Руси.

Деревня Майданъ-Криницкій совершенно разграблена и сожжена. Когда населеніе сдѣлало попытку спасать имущество изъ горѣвшихъ построекъ, оно было загнано въ яму и подвергнуто разстрѣлу. Изъ многихъ убитыхъ, между прочимъ, называютъ Томаша Колтуняка и Онелю Внукъ (7 лѣтъ), а изъ раненыхъ Катерину Внукъ и Яна Внукъ (3 лѣтъ). Всѣ, оставшіеся въ живыхъ жители, подъ конвоемъ, были угнаны въ Томашовъ, гдѣ надъ ними

произведенъ цѣлый рядъ звѣрствъ и издѣвательствъ. Женщины подверглись гнусному насилію.

Деревня Домрова также разграблена и сожжена. Всѣхъ крестьянъ деревни 2 раза гнали въ Томашовъ и обратно, при чемъ нѣкоторыхъ гнали въ связанномъ видѣ «какъ дикихъ животныхъ», по выраженію австрійскихъ солдатъ. Во время пути въ Томашовъ и обратно крестьянъ били и истязали безъ всякихъ поводовъ. Напримѣръ, Франца Пюро избивали кулаками и прикладами по головѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не потерялъ сознанія и совершенно не оглохъ. Онъ глухой и по сей день. Михаилъ Галкъ былъ убитъ; Екатерина Саганъ—ранена. 7 человѣкъ сожжены вмѣстѣ съ ихъ избами, изъ которыхъ имъ не позволили выйти (Турчинка, Покрасы и др.).

Въ преданномъ огню и разграбленномъ Майданѣ-Сѣлецкомъ сожжено 13 человѣкъ, изъ нихъ четверо дѣтей и 3 женщины, которыхъ градомъ пуль не выпустили изъ пылавшихъ «халупъ». Всѣхъ крестьянъ деревни, до умирающихъ включительно, въ связанномъ видѣ гнали въ Томашовъ и обратно. Женщинъ поголовно насиловали. Трехъ крестьянъ взяли съ собой въ Галицію, гдѣ ихъ, по словамъ очевидцевъ, умертвили. Женщинъ послѣ изнасилованія вмѣстѣ съ дѣтьми гнали въ окопы, выставляли на брустверa, а когда онѣ падали сраженныя пулями нашихъ солдатъ, принимавшихъ ихъ издали за непріятеля, ихъ добивали со словами: «Такая падаль не стоитъ того, чтобы ее убивать нашими пулями. Пусть ихъ убиваютъ свои-же. А ужъ мы добьемъ».

Крестьянина деревни Звяртувекъ-Костробца застрѣлили за то, что онъ, самъ голодая 2 дня, пытался дать кормъ своимъ лошадямъ, когда всѣ жители названной деревни были загнаны въ Томашовъ, гдѣ ихъ избивали, не давая пищи въ продолженіе 2-хъ дней.

Въ деревнѣ Козья Воля, попутно съ грабежомъ и поджогомъ, закололи 5крестьянъ: Шаевскаго, Пахлю, Войтаса, Левандовскаго и Кожана и 12-лѣтнюю дѣвочку Елену Пахлю. Въ этой деревнѣ противникъ проявилъ особую жестокость. Жителей деревни разобрали по рукамъ и мучили ихъ, такъ сказать, въ розницу. Каждый пьяный нижній чинъ вражеской арміи, которому было не лѣнь, придумывалъ для населенія тѣ пытки, которыя наиболѣе соотвѣтствовали его темпераменту и его склонностямъ въ данный моментъ. Небольшіе застѣнки были устроены вездѣ: въ канавахъ, за уцѣлѣвшими заборами, въ полѣ, подъ тѣнью деревьевъ. Въ этихъ застѣнкахъ терзали отдѣльныя тѣла беззащитныхъ крестьянъ.

Женщины были немедленно выдѣлены въ особую категорію, и ихъ держали отдѣльно отъ мужчинъ. Причина этого понятна. Этимъ

способомъ офицеры и солдаты противника съ наибольшимъ удобствомъ могли удовлетворить своимъ низменнымъ и преступнымъ инстинктамъ звѣря. Помимо изнасилованія, женщинъ раздѣвали, всячески издѣвались надъ ними, били, снова насиловали и снова били... Многихъ заставляли рыть для себя могилы, молиться, приготовляться къ смерти, прицѣливались въ нихъ изъ ружей...

Помѣщиковъ: Мѣсячкевича, Водинскаго и ксендза изъ с. Деронжни солдаты, по приказанію офицера, впрягли въ автомобиль и заставили везти его изъ деревни Сельца въ дер. Михалевъ—на протяженіи 11 верстъ. На переднее сидѣнье былъ помѣщенъ крестьянинъ съ кнутомъ, котораго заставляли бить падавшихъ отъ утомленія и позора ксендза и помѣщиковъ, при чемъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ ихъ избивали и непріятельскіе солдаты, но уже не кнутомъ, а прикладами ружей. Когда крестьянинъ переставалъ бить несчастныхъ, нижніе чины врага немедленно начинали избивать его самого.

Одинъ изъ пьяныхъ нижнихъ чиновъ противника для потѣхи хотѣлъ «пришпилить» штыкомъ къ землѣ «какъ жука для коллекціи», по его словамъ, крестьянина Каэтана Сему, но послѣднему какимъ-то чудомъ удалось уползти на «четверенькахъ» отъ пьянаго изверга.

Посадъ Лащувъ сожженъ при помощи особыхъ приспособленій, которыя, по словамъ жителей, прикрѣплялись къ стѣнѣ поджигаемаго строенія. Сгорѣло болѣе 160 дворовъ. Много жителей застрѣлено, среди нихъ женщины. Нѣкоторыхъ женщинъ послѣ изнасилованія выставляли на бруствера окоповъ, подъ наши пули, потомъ, полумертвыхъ, снова насиловали, снова выставляли на бруствера и, наконецъ, закалывали.

Двѣ молодыя женщины: Пальчинская и Урбанская—скончались во время совершенія надъ ними гнуснаго акта изнасилованія.

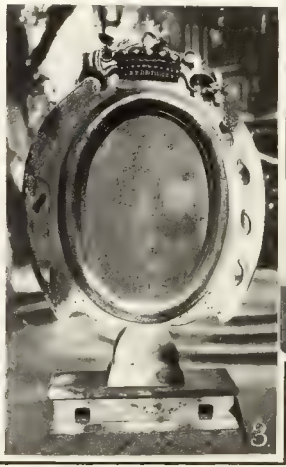
При отступленіи противникъ взялъ съ собой около 40 человѣкъ, которые, по имѣющимся въ посадѣ свѣдѣніямъ, разстрѣляны.

Юркевичу въ видѣ шутки выбили всѣ зубы.

Православная церковь разграблена, иконы въ ней кощунственно сожжены, святыни поруганы.

Въ дер. Новоселкахъ, вблизи Лащува, въ церковной оградѣ, повѣсили 7 человѣкъ, изъ нихъ двѣ женщины, а въ дер. Юровъ загнали въ землянки и сожгли въ нихъ 126 крестьянъ со стариками, женщинами и дѣтьми...

За Юровымъ слѣдуетъ Комаровъ, за Комаровымъ Кринице, за Кринице Чартовчикъ, Юзефовка, Тарноватка и т. д., и т. д. Вездѣ ужасъ, ужасъ и ужасъ...



Посадъ Лащувъ, Томаш. уѣзда.

1. Общій видъ сожженной (не снарядами, а путемъ спеціальнаго поджога) площади. 2. Видъ православной церкви съ взломанной стѣнои (здѣсь-же священникъ и псаломщикъ) 3. Видъ одноі изъ обгорѣвшихъ иконъ церкви, которую бросили въ костеръ, но она вслѣдствіе какой-то причины не сгорѣла. 4. Метла, при помощи которой нѣмцы смачивали бензиномъ соломенныя кровли и стѣны домовъ передъ поджогомъ.

1. Видъ части сожженной дер. Домбровы, Томашовскаго уѣзда 2. Посадъ Комаровъ, Томашовскаго уѣзда. Общій видъ сожженной паровой мелЬницы бр. Канторъ. Всѣ машины разрушены. Зерно разграблено. 3. МелЬница бр. Канторъ. Видъ одного изъ отдѣленій

Холмщина. 1. Посадъ Лащувъ. Видъ площади у костела. 2. Разграбленный и сожженный фольварокъ графа Шептыцкаго у пос. Лащувъ 3. Видъ разрушений, произведенныхъ пожаромъ (поджогъ) на площади посада Лащувъ. 4. Видъ одного изъ сожженныхъ сараевъ фольварка

Въ Холмщинѣ, какъ, впрочемъ, и вездѣ, гдѣ населеніе католическое или живетъ среди католическихъ традицій, до вражескаго нашествія — Богъ былъ вездѣ...

Человѣкъ не нашелъ въ себѣ силы ограничиться тѣмъ, что носилъ Его въ своей душѣ, и тѣмъ, что воздвигалъ Ему храмы... Съ мыслью о Богѣ онъ заполнилъ до потолка иконами и религіозными картинами стѣны своихъ жилищъ, отмѣтилъ статуями и крестами перекрестки дорогъ, въѣзды въ деревни, площади селъ, отдѣльные хутора, колодцы. . Населилъ колѣнопреклоненными фигурами церковныя паперти...

Одинъ изъ кощунственно сожженныхъ и разрушенныхъ крестовъ.

Вся страна дышала какъ-бы подъ живительной сѣнью Священнаго Символа...

Для свѣжаго человѣка было особенно отрадно то обстоятельство, что этотъ символъ не только мыслился, не только подразумѣвался въ жизни, но находился постоянно передъ глазами, составляя необходимый ея элементъ, неотъемлемую часть быта...

Сколько религіозной фантазіи и наивнаго творчества было влито человѣкомъ въ дерево и камень, призванные символизировать Бога!...

Вы ѣдете... Вокругъ благодатныя поля Холмщины...

Вдоль безконечной дороги, лѣниво утопаю-

Холмщина. 1. Видъ части сожженной и разграбленной дер. Юзефовки, Томашовскаго уѣзда 2. Линія сожженныхъ домовъ у фольварка Глуговскаго, Томашовскаго уѣзда. 3. Дер. Козья Воля, Томашовскаго уѣзда. 4. Видъ сожженной части дер. Майданъ-Кринницкій, Томашовскаго уѣзда

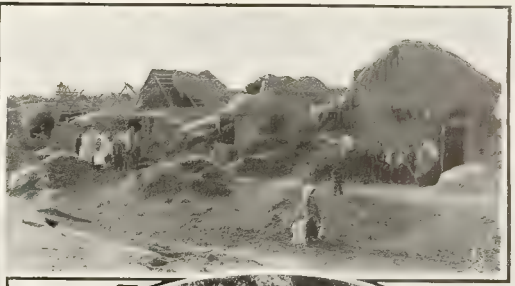
щей въ дрожащей отъ весеннихъ испареній бирюзовой дали, молчаливыми силуэтами тянутся кресты... то крошечные, то огромные... то каменные, то срубленные изъ почернѣвшаго отъ времени дуба, то ярко раскрашенные... Нѣкоторые надменно глядятъ въ высь, другіе болѣзненно покосились, какъ-бы раздавленные тяжкой стопою временъ... Наодних изъ нихъ — убогія иконки, украшенныя вѣнками изъ пестрыхъ бумажныхъ цвѣтовъ... На другихъ — миніатюрныя Распятія... На третьихъ — въ хитроумныхъ комбинаціяхъ разбросаны отъ верха до низа всѣ предметы, составляющіе и ужасъ и подвигъ Голгоѳы. Здѣсь и терновый вѣнецъ, и лѣстница, и копье, и палка, и огромный молотокъ, и чудовищные клещи, и гвозди...

Одна изъ кощунственно разрушенныхъ статуй Богоматери

Кресты смѣняются статуями...

Тема послѣднихъ всегда почти одна и та-же: Спаситель или, еще чаще, Богоматерь... Слегка склоненная впередъ голова... Скорбно раскрытыя руки, не то зовущія къ себѣ, не то предостерегающія.

Какъ сейчасъ помню свою первую поѣздку по Холмщинѣ... Солнце жарко горитъ въ небѣ, наполненномъ голубоватымъ золотомъ... Мой кучеръ, нестарый еще крестьянинъ съ неряшливо выбритымъ лицомъ и торчащими во всѣ стороны усами, сидя на облучкѣ, зорко слѣдитъ за мелькающими справа и слѣва крестами... Онъ не пропускаетъ ни одного изъ нихъ. Быстрымъ движеніемъ передаетъ возжи и камышевый «польскій» бичъ въ лѣвую руку, а правой торопливо крестится... Иногда что-то шепчетъ...



Холмщина. 1. Сожженное и разграбленное село Тарноватка, Томашовскаго уѣзда 2. Дер. Чартовчикъ Вся сожжена, и крестьяне принуждены жить въ пещерахъ, вырытыхъ въ землѣ. 3 Совершенно сожженное и разграбленное имѣніе Галчинскаго, близъ дер. Чартовчика 4 Крестьяне, собирающіеся толпами къ статуѣ Богоматери съ молитвой о пораженіи врага

Вначалѣ меня это сильно заинтересовываетъ... Я ставлю себѣ задачу: прослѣдить, пропуститъ-ли онъ, не перекрестившись, хотя-бы одинъ изъ первыхъ встрѣтившихся, скажемъ, двадцати крестовъ... Начинаю считать... Одинъ... крестится... Два... крестится... Десять... крестится... Двадцать... также крестится... Я озадаченъ... Я пытаюсь далѣе производить уже опыты... При приближеніи къ кресту стараюсь отвлечь его вниманіе разговоромъ... Ничто не помогаетъ... Въ нужную минуту онъ коротко обрываетъ разговоръ, снимаетъ шапку, осѣняетъ себя дробнымъ крестомъ слѣва направо и, уже послѣ этого, снова продолжаетъ разговаривать...

Лагерь бѣженцевъ

Я осторожно спрашиваю кучера, всѣ-ли крестьяне относятся къ встрѣчающимся по дорогѣ статуямъ и крестамъ съ такимъ-же религіознымъ почтеніемъ, какъ и онъ. Кучеръ меня сначала не понимаетъ... Онъ весь поворачивается на козлахъ въ мою сторону, недоумѣвающе разглядываетъ меня съ ногъ до головы и, какъ-бы не вѣря себѣ, переспрашиваетъ:

— Цо панъ муви?

Потомъ долго качаетъ головой и, какъ-бы въ раздумьѣ, вполголоса, отвѣчаетъ уже не мнѣ, а себѣ самому:

— Такъ вшисци робёнъ. Для свего сченсьа такъ тшеба робиць. . . . . .

. . . . . .

Встрѣчающіеся крестьяне, низко кланяясь, привѣтствуютъ меня:

— Нехъ бенде похвалены Іезусъ Христусъ...

Холмщина. 1. Дер. Майданъ-Сѣлецкій, Томашовск. уѣзда послѣ сожженія и разграбленія. 2. Нѣсколько разрушенныхъ человѣческихъ гнѣздъ въ Томашовскомъ уѣздѣ. 3. Село Гарновятка. Сожженный и разграбленный фольварокъ. Сгорѣло до 30.000 пудовъ хлѣба, испорчены всѣ с.-хозяйств. машины. Убытки до ½ милліона рублей. 4. Село Крынице, Томашовскаго уѣзда. Помѣщикъ Липчинскій у пещеры, куда онъ съ семьей намѣревался спрятаться отъ ужасовъ, сопряженныхъ съ непріятельскимъ нашествіемъ.

И я въ сотый разъ отвѣчаю имъ:

— На вѣки вѣкувъ. Аменъ...

Вотъ, какъ сложился небольшой уголокъ жизни въ этомъ краѣ, испытавшемъ въ своемъ прошломъ столько историческихъ превратностей... Вотъ, что значилъ въ жизни народа Богъ, Его Имя и Его образъ! . . . . . .

. . . . . .

Настала осень рокового 1914 года... Край былъ захлестнутъ мимолетнымъ вторженіемъ... Врагъ рѣшилъ раздавить Бога... Онъ рѣшилъ раздавить даже самую память о Немъ... Онъ не удовольствовался уничтоженіемъ храмовъ... Онъ уничтожилъ все то, что звало человѣка къ Богу, что говорило о Немъ...

Кресты были разрушены, изломаны, сожжены...

Сотни и тысячи крестовъ...

Статуи кощунственно разбиты... Всюду слѣды страшной работы... Въ пыли и грязи валяются отдѣльно руки, ноги, туловища, обезображенныя головы съ отбитыми носами и лицами, изуродованными ударами желѣза.

. . . . . .

Крестьяне стараются не глядѣть на поверженные символы... Они проходятъ мимо, не крестясь и какъ-бы не замѣчая ужаса...

Нѣсколько разъ мнѣ приходилось разговаривать съ ними на больную тему. Большинство старается тотчасъ перевести разговоръ на другіе предметы, неохотно отвѣчаетъ, мнется... Нѣкоторые-же, особенно женщины, наоборотъ, съ какой-то торопливой болѣзненностью изливаютъ накопившуюся въ душѣ ненависть, захлебываясь, всхлипывая и, очевидно, не поспѣвая неповоротливыми словами за галлопирующей мыслью. Всѣ они неизмѣнно заканчиваютъ тяжелымъ проклятіемъ вырвавшіеся изъ глубины души стоны:

— За то вшистко, цо венгеръ и германъ зробили, нехъ они бендо пшекленци!! . . . .

. . . . . .

Я снова былъ въ Холмщинѣ, когда обозначилось второе наступленіе противника (весной 1915 года)... Отчаянію народа не было предѣловъ... Всюду служились молебны о дарованіи намъ побѣды... У уцѣлѣвшихъ статуй и на каменныхъ ступеняхъ храмовъ собирались толпы распростертыхъ крестьянъ, молившихъ объ отраженіи врага... Уже потомъ, когда выяснилась неизбѣжность вторженія, началось великое отступленіе крестьянства... По дорогамъ потянулись безконечные обозы бѣженцевъ... Страшные обозы...

Счастливы, впрочемъ, тѣ, которые ушли. Счастливы хотя-бы потому, что они не испытаютъ ужаса и не увидятъ его, а только услышатъ о немъ...

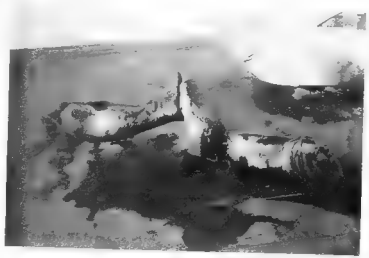
Я ѣхалъ изъ Варшавы въ Цѣхановъ, одинъ изъ тѣхъ странныхъ городковъ Царства Польскаго, которые даже привыкшимъ къ нимъ людямъ кажутся какими-то выцвѣтшими и ненужными пережитками прошлаго, чудомъ уцѣлѣвшими отъ исчезновенія или эволюціи.

На станціи въ Варшавѣ чисто военная суета, шумливая, слегка даже бурная, такая, какая бываетъ всегда, когда людямъ кажется, что имъ надо еще очень много сдѣлать и еще больше сказать въ то время, какъ часы съ холоднымъ упорствомъ отсчитываютъ минуты, приближая часъ неизбѣжнаго отъѣзда. Въ поѣздѣ ѣдутъ исключительно военные. Всюду милыя, возбужденныя, загорѣлыя лица, какія въ обычное время сплошь и рядомъ попадаются въ пассажирскихъ залахъ станцій желѣзныхъ дорогъ, расположенныхъ вблизи лагерныхъ стоянокъ войскъ. И только тогда, когда вы пытливѣе заглянете въ какую-либо пару глазъ, сидящую на бронзовомъ лицѣ, вы почувствуете, что эти люди и ѣдутъ не въ лагерь, и пріѣхали не изъ лагеря. Вы невольно улавливаете въ глазахъ какія-то невѣдомыя вамъ тѣни, что-то—не то отъ монастырскаго подвига, не то отъ полузабытаго ужаса... Что-то экстатическое, васнецовское...

Третій звонокъ. Вся масса сѣрыхъ шинелей, повязокъ Краснаго Креста, колеблющихся косынокъ сестеръ милосердія бросается къ

МЕТАНІЕ БОМБЪ НАДЪ ЦѢЛАНОВОМЪ

вагонамъ, заполняя не только всѣ скамьи и диваны, но и всѣ проходы, площадки и коридоры. Всѣ стараются еще разъ взглянуть на платформу, жмутся къ окнамъ, дверямъ, становятся на буфера. На платформѣ бросается въ глаза высокая фигура красивой, старой женщины съ сѣдыми волосами, которая, шепча молитву, креститъ одно изъ оконъ вагона. За минуту передъ этимъ она обнимала, благословляя, молодого офицера, почти мальчика... Ни слезъ, ни жалобъ, ни одного жеста, который-бы выдалъ происходящее въ старой, опустошенной долгой жизнью душѣ. Величественная и скорбная, она какъ будто пришла сюда—не то изъ стариннаго романа, не то изъ полузабытой сказки.



Двѣ женскихъ ноги (принадлежатъ различнымъ женщинамъ), найденныхъ въ грудѣ разорванныхъ труповъ послѣ метанія бомбъ въ Цѣхановѣ 27 Марта 1915 г.

Станція, наконецъ, скрылась изъ вида. Потянулись дымныя предмѣстья большого города, перешедшія постепенно въ мягкій, нѣсколько грустный пейзажъ, столь характерный для этой полосы Россіи... Песчаныя дали, колючіе силуэты еловаго лѣса, улыбающіяся свѣжей листвой и бѣлыми стволами березовыя рощи, а вдали какія-то синѣющія всхолмленности, манящія и таинственныя...

Въ Цѣхановъ я пріѣхалъ днемъ. Еще въ пути мнѣ сообщили, что цѣлая воздушная эскадра противника бросаетъ бомбы въ этотъ никому ненужный, грязный городокъ, населенный ранеными и польско-еврейской бѣднотой. Безцѣльность предпріятія и явная ненужность звѣрства именно въ данномъ мѣстѣ была для меня столь очевидна, что первымъ порывомъ съ моей стороны было не вѣрить сообщенію и спорить, изо всѣхъ силъ доказывая, что даже звѣрства имѣютъ свою цѣль и свою логику, и что бросаніе бомбъ въ Цѣхановъ невозможно хотя-бы потому, что оно явно лишено и того и другого, представляя собою лишь изолированный фактъ голаго звѣрства.

Дѣйствительность подтвердила, однако, правильность сообщенія. Въѣзжая на автомобилѣ въ городъ, я услышалъ въ разныхъ мѣстахъ рядъ сочныхъ взрывовъ, не произ-

ведшихъ, однако, къ моему величайшему удивленію, никакого впечатлѣнія на жителей. Не то происходившее было слишкомъ хорошо всѣмъ знакомо и привычно, не то въ немъ, этомъ происходившемъ, заключался элементъ позора, на который всѣ молчаливо условились никогда и ничѣмъ не реагировать.

Два крестьянина, убитыхъ бомбами въ Цѣхановѣ 27 Марта 1915 г.

День для метанія бомбъ былъ выбранъ противникомъ довольно удачно. Ясный, онъ въ то же время былъ прикрытъ сверху цѣлой пеленой невысокихъ и негустыхъ облаковъ, въ которыхъ ныряли непріятельскіе аэропланы, съя подъ собой ненужную смерть и избѣгая въ то же время мѣткаго огня нашей артиллеріи. Звуки разрывовъ падавшихъ бомбъ, то удалявшіеся, то приближавшіеся снова, смѣшиваясь съ гуломъ стрѣльбы по аэропланамъ нашихъ орудій, повисли надъ городомъ какой-то роковой завѣсой.

Метаніе продолжалось около 4-хъ часовъ. Сбросивъ, очевидно, весь запасъ имѣвшихся у него бомбъ, около 250 штукъ, противникъ растаялъ въ воздухѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, бомбы были брошены только тамъ, гдѣ метаніе ихъ прямо и категорически воспрещено законами войны: въ госпитали, въ санитарные обозы, хорошо видимые и ясно различаемые съ аэропланов благодаря характернымъ флагамъ и лазаретнымълинейкамъ, въ дома, населенные жалкимъ человѣчествомъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ войнѣ и безъ того уже обездоленнымъ ея ядовитымъ дыханіемъ...

Къ выясненію количества жертвъ разбойнаго нападенія было приступлено тотчасъ-же.

Всѣ жертвы попали, естественно, въ военные госпитали, гдѣ имъ была оказана первая помощь, наложены первыя повязки, сказаны первыя слова утѣшенія... Я посѣтилъ раненыхъ во всѣхъ госпиталяхъ... Тѣ, которыхъ не покинуло сознаніе, мужественно переносятъ страданія, пытаются даже улыбаться, становясь вдругъ какими-то неподвижно серьезными, окаменѣлыми и загадочными лишь при словѣ «нѣмецъ», «нѣмецкій аэропланъ» и т. п. Въ каменномъ выраженіи глазъ услышавшихъ страшное слово, вы ясно читаете чувство, въ природѣ котораго у васъ не остается никакихъ сомнѣній. Чувство это—ненависть. Глубокая... Неутолимая... Изъ области мысли перешедшая въ кровь, во всѣ поры существа человѣческаго...

Въ покойницкой одного изъ госпиталей застаю потрясающую картину. Въ ней лежатъ въ искривленныхъ позахъ мучительной смерти 12 истерзанныхъ труповъ, бывшихъ живыми людьми еще одинъ часъ тому назадъ. Трупы пока анонимны. Никто не знаетъ, какъ звали тѣхъ, кѣмъ они были еще такъ недавно. Ждутъ, когда родные или знакомые прійдутъ и опознаютъ ихъ...

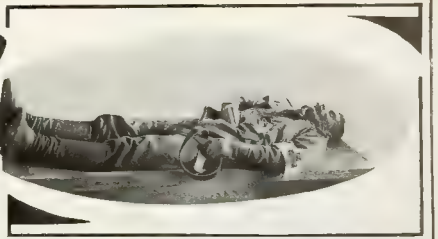
Передо мной маленькій кусочекъ прелестной молодой дѣвушки... Ни рукъ, ни ногъ, ни нижней части тѣла. Одна лишь чудомъ уцѣлѣвшая восковая головка со слипшимися волосами, какъ-то странно запрокинутая назадъ...

Рядомъ съ ней разметанные комья кровавыхъ массъ человѣческаго тѣла, смѣшанныхъ съ осколками костей...

У коновязей одного изъ лазаретовъ видна груда безпорядочно наваленныхъ лошадиныхъ труповъ, безобразныхъ и истекшихъ кровью, изъ-подъ которой судорожно торчатъ ноги санитара... И такъ вездѣ... Всюду смерть... Ужасъ... Проклятіе...

Когда солнце уже совершило свой дневной путь и медленно утонуло за горизонтомъ, когда черныя тѣни ночи давно уже бродили по орошенной кровью невинныхъ людей землѣ, я все еще не могъ забыться. Долго и безцѣльно бродя по улицамъ маленькаго и смѣшного городка, я все время ощущалъ въ себѣ присутствіе какого-то страннаго и колючаго чувства. Оно мучительно и тоскливо ныло въ душѣ, настойчиво требуя удовлетворенія.

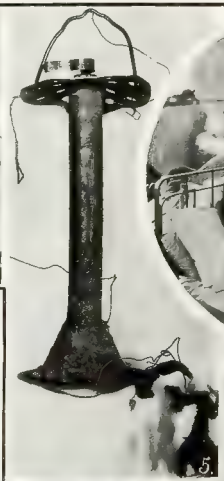
Оно срывало съ языка слова проклятія и застилало глаза какимъ-то краснымъ ядомъ. Начавшись въ одинъ изъ срединныхъ моментовъ жизни, оно умретъ, вѣроятно, только съ самой жизнью...



Метаніе бомбъ надъ Цѣхановомъ 27 Марта 1915 г. 1. Трупы мирныхъ жителей, убитыхъ бомбами 2. Убитый бомбой санитаръ Михаилъ Письменный. 3. Мирный житель Леонъ Гараманьянцъ, убитый бомбой на базарѣ. 4. Видъ головного эвакуационнаго пункта послѣ брошенной въ него бомбы Всѣ стекла выбиты. 5. Аэропланная бомба съ хвостомъ изъ матеріи

Метаніе бомбъ надъ Цѣхановомъ 27 Марта 1915 г. 1. Одна изъ усадебъ на Варшавской улицѣ и раненые: Мотель Канаверъ, Хана Канаверъ, младенецъ Хая Канаверъ и др., а также убитая и раненая лошади 2. Убитыя лошади лазаретнаго обоза

3. Тяжело раненый Лейба Соболь 4. Свозка убитыхъ лошадей лазаретнаго обоза въ одно мѣсто 5. Германская аэропланная стрѣла, пробивающая насквозь всадника вмѣстѣ съ лошадью и кромѣ того глубоко проникающая въ землю



Метаніе бомбъ надъ Цѣхановомъ 27 Марта 1915 г. 1. Раненые бомбами крестьянинъ Сигизмундъ Котовскій (70 лѣтъ) и санитары Викентій Гурскій и Александръ Карклинъ (съ оторванными обѣими ногами). 2. Крестьянинъ Регминъ, которому бомбой оторваны обѣ ноги и изуродованы руки. 3. Два мирныхъ жителя, убитые бомбами. 4. Общій видъ бригаднаго лазарета, наполненнаго жертвами бомбъ. 5. Зажигательная бомба.

1. Гурiи Войшенко и санитаръ Николай Кленшемъ. Ранены бомбами.
2. Марiя Водинская (перебитъ спинной хребетъ и истерзано все тѣло) и Владислава Хухульская. Тяжело ранены бомбами

3 Дворянка Вероника Куликовская, крестьянка дер. Кулаки, Цѣхан. уѣзда Марiанна Струшинская и санитары 9 Костромского отряда Всероссiйскаго Земск. союза Александръ Вшивка и Алексѣй Кон[illegible] тяжело ранены бомбами.

Станислава Тихминская, 14 лѣтъ, разорванная бомбои.

О ВОЗНЕСЕНСКІЙ

Я его уже не засталъ въ живыхъ. Когда я пріѣхалъ въ полкъ*)—вмѣсто его милыхъ глазъ была жива лишь теплая, грустная и неизгладимая память о немъ...

О немъ говорили положительно всѣ, начиная командиромъ полка и кончая рядовымъ полкового обоза, стараясь наперерывъ вспомнить самыя незначительныя подробности боевой жизни, связанныя съ его личностью. Мелочей не было. Чѣмъ миніатюрнѣе былъ фактъ, тѣмъ интимнѣе онъ казался и тѣмъ больше трогалъ слушателей. Точь-въ-точь, какъ въ семьѣ, недавно понесшей тяжкую и невозвратимую утрату...

Полковой адъютантъ принесъ приказъ по полку:

— Вотъ прочтите. Это напутствіе полка нашему дорогому батюшкѣ.

Я не только прочелъ, но даже взялъ его себѣ, до такой степени меня тронула искренность этого приказа и та теплота чувства, которая дрожала въ каждой его строкѣ.

Странная вещь эта война! Люди, захваченные ея жестокими будняни, вѣчно балансирующіе на грани между жизнью и смертью, все-же остаются людьми. Быть-можетъ, даже больше чѣмъ людьми... Напряженность дѣятельной любви къ ближнему, нѣжность возникающихъ привязанностей какъ-бы выростаютъ въ прямой пропорціи съ ужасами войны. Оно, впрочемъ, и понятно. Что мнѣ до войны? Я, хотя и опустошеннымъ сердцемъ, но все-же хочу любить, любить во что бы то ни стало и чего бы мнѣ это ни стоило, такъ какъ не могу жить безъ любви, составляющей основное содержаніе моего нутра.

У себя въ землянкѣ я снова и снова перечитываю траурныя слова приказа.

Вотъ они:

«6-го Августа сего 1915 года осиротѣлъ 149 пѣхотный Черноморскій полкъ, потерявъ своего глубокочтимаго духовнаго отца, священника Александра Павловича Вознесенскаго.

Славной смертью героя палъ нашъ добрый пастырь, оставаясь до послѣдней минуты своей жизни на недоступной для многихъ высотѣ духа, ярко, какъ путеводная звѣзда, блестя на своемъ посту и освѣщая къ правдѣ дорогу, идти по которой такъ настойчиво звалъ онъ въ жизни свою паству.

Отслуживъ въ этотъ день обѣдню при штабѣ полка, онъ въ 11 часовъ утра отправился въ окопы передовыхъ линій. Съ крестомъ въ рукахъ и съ пѣніемъ тропаря Преображенія, обходилъ онъ роты, окропляя святой водой своихъ любимыхъ «солдатиковъ», поздравлялъ ихъ съ праздникомъ, освящалъ яблоки и, какъ всегда, наставительно бесѣдовалъ съ

*) 149 пѣх. Черноморскій полкъ

ними. На этотъ разъ онъ поучалъ ихъ не уподобляться предателю-Іудѣ и не оставлять своихъ сражающихся товарищей, покидая подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ свои мѣста въ окопахъ. А на просьбы, обращенныя къ нему, сойти въ окопы и идти по дну ихъ, отвѣчалъ поученіемъ на тему: «не бойтесь отъ убивающихъ тѣло, а душѣ не могущихъ повредить». Являя примѣръ полнаго пренебреженія къ смерти, онъ безстрашно шелъ по открытому полю, презирая врага, но вѣря въ то-же время въ глубинѣ своей чистой души въ то, что этотъ врагъ не осквернитъ себя кровью священнослужителя, исполняющаго свой земной долгъ и идущаго въ облаченіи и съ святымъ крестомъ въ рукахъ, ярко блестящимъ въ воздухѣ лѣтняго утра...

И, о позоръ для врага!..

Грянулъ близкій залпъ *), и, какъ подкошенное, свалилось дорогое тѣло, пронизанное вражескими пулями. Брызнули слезы у паствы, на небеса къ Всевышнему послали вздохнувшія груди мольбу о принятіи духа пастыря съ миромъ, а въ глубинахъ любящихъ сердецъ закипѣла ненависть къ принесшему горе врагу, выковавшая и взлелѣявшая въ этихъ сердцахъ мечту о расплатѣ.

Передъ свѣжей могилой батюшки, похороненнаго, по выраженному имъ наканунѣ желанію, у придорожнаго креста на юго-западной окраинѣ дер. Долгишки, толпится съ непокрытыми головами осиротѣлая паства. Вздыхая, передаются тихонько разсказы тѣмъ, кто его еще мало зналъ, вспоминаютъ о его рѣдкой добротѣ душѣ и геройскихъ его подвигахъ въ теченіе войны...

Въ опущенной на грудь головѣ встаютъ и отрывочно проносятся воспоминанія былого...

Вотъ бой 13 Августа минувшаго года подъ Тарноваткой. Мы гонимъ врага. Цѣпляясь за каждую горку, за каждую опушку лѣса, онъ пробуетъ задержаться и дорогой цѣной продаетъ свой каждый шагъ отхода. Утомились бойцы, жарко, а бой кипитъ, какъ въ котлѣ. Вотъ дружнымъ броскомъ «на ура» взлетаютъ передовыя роты баталіона на одну изъ возвышенностей. Отбѣжавшій врагъ обрушивается досадливо на только что оставленное имъ мѣсто и поливаетъ его свинцомъ своихъ винтовокъ и пулеметовъ, а неистовствующая шрапнель реветъ, и стонетъ, и плачетъ кругомъ... И вдругъ среди этого ада звуковъ чудится пѣніе молитвы «Спаси, Господи, люди Твоя».

— Что такое? Галлюцинація слуха?

Нѣтъ... Съ епитрахилью и крестомъ, съ устремленными къ небу глазами, съ струящимися по лицу каплями пота, медленно поднимается на гору батюшка, а вокругъ него,

*) Окопы противника находились въ 400 шагахъ

какъ волны ладана, клубится пыль, поднимаемая огнемъ направленныхъ въ него пулеметовъ.

— Ложитесь, убьютъ!

Опускается возлѣ, но не изъ-за страха передъ пулеметами, а чтобы отдохнуть, перевести духъ...

— Что-жъ, что стрѣляютъ, вѣдь я съ Св. Дарами. Меня угодники Божіи берегутъ, — говоритъ онъ своимъ простымъ, заставляющимъ забывать, что онъ кандидатъ богословія, Ярославскимъ говоромъ.

— Да вы здѣсь-то зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ, — удивляется. — А ежели кто исповѣдаться захочетъ передъ смертью, вотъ я и тутъ... А это кто же лежитъ?

И, поднявшись, подходитъ къ умирающему шагахъ въ 10-ти австрійцу, наклоняется къ нему, видитъ, что кончается человѣкъ, креститъ его, прикладываетъ къ губамъ его крестъ и бредетъ себѣ дальше вдоль позиціи...

...Ночь прекратила бой 27 Августа у дер. Андреевки. Съ разсвѣтомъ полкъ получаетъ приказаніе отойти и направляется назадъ. Это движеніе намъ непонятно: ушелъ ли противникъ послѣ вче-

1. Послѣднее благословеніе
2. «Батюшка» заколачиваетъ гробъ
3. Могила о. Вознесенскаго.

рашняго боя, или мы вынуждены къ отходу, не знаемъ. Сосѣди остаются на мѣстахъ, должно быть, и противникъ здѣсь... Навстрѣчу полку, на повозочкѣ, съ псаломщикомъ ѣдетъ нашъ батюшка.

— Вы куда же, батюшка?

— А на позицію, вѣдь тамъ убитые остались.

— Да ихъ похоронили, батюшка.

— А панихиду надо отслужить, на могилкѣ крестъ поставить, безъ этого вѣдь нехорошо.

— Да вѣдь опасно это, батюшка. Тамъ противникъ можетъ быть.

— Грѣха надо опасаться, а не исполненія своего долга,—отвѣчаетъ батюшка и ѣдетъ дѣлать свое дѣло...

11 Октября. Полкъ, готовясь къ наступленію на д. Бржезовку, переходитъ въ строй по ротно. Спѣша, обгоняетъ его, сильно прихрамывая, о. Александръ, а, спустя нѣкоторое время, впереди разсыпающихся цѣпей, виднѣется освѣщаемая лучами заходящаго солнца знакомая и близкая сердцу фигура въ полномъ облаченіи... Батюшка на ходу служитъ напутственный молебенъ... А коварный врагъ уже наводитъ на насъ орудія притаившейся невдалекѣ батареи...

Годъ войны и шесть лѣтъ мирнаго времени, времени его пребыванія въ полку, полны воспоминаній объ о. Александрѣ, какъ о кристально чистомъ, изумлявшемъ всѣхъ силой и красотой своего духа человѣкѣ. Будучи одинокимъ, онъ жилъ интересами другихъ. Его безконечно добрая душа была полна заботъ и попеченій о благѣ паствы.

Взгрустнется ли когда кому или ляжетъ на сердцѣ безотчетная тяжесть, пойдетъ къ своему батюшкѣ и легче ему станетъ отъ бесѣдъ съ нимъ... И вотъ не стало его... Въ тяжелыя минуты переживаемаго настойчиво хочется искать утѣшенія въ молитвѣ, невольно глаза обращаются къ небу и уста шепчутъ:

«Господи! Повелѣніемъ Твоимъ пріялъ еси божественнаго служителя Твоего. Пріими же въ руцѣ Твои душу его, яко птенца, и учини его во дворѣхъ Твоихъ». . . . . .

. . . . . .

Кое-что о покойномъ вспоминаю и я... Самое начало войны... Приходитъ какъ-то о. Вознесенскій къ резерву. Спрашиваетъ:

— Гдѣ тутъ позиціи?

— Здѣсь, батюшка.

— Какъ-же здѣсь, когда здѣсь пуль нѣтъ!

— Не всегда-же пули. Здѣсь резервъ.

— Нѣтъ, вы меня пустите въ цѣпи!

И въ проникновенныхъ, глубокихъ глазахъ его, съ задумчивымъ и длиннымъ взглядомъ, зажигается огонекъ жадной рѣшимости.

— Тамъ вѣдь васъ убьютъ, батюшка.

— Что-же дѣлать! «Ихъ» убиваютъ, пусть и меня убьютъ...

И пошелъ...

Вспоминается другой случай...

Были самыя первыя числа Октября 1914 г. Полкъ переправлялся черезъ Вислу между Кальваріей и Варшавой *). Переправа была организована на баржахъ, буксируемыхъ пароходами. Была совершена посадка... Двинулись... Въ это время одна изъ баржъ оторвалась отъ другихъ, и ее понесло внизъ по теченію, прямо на противника. На баржѣ было около 500 человѣкъ. Поднялась суета... Баржу начали ловить... Наконецъ поймали... Подвели къ берегу... Было уже поздно... Надъ головами нависла дождливая и сырая ночь. Невидимое небо точило на землю неизсякаемыя слезы...

Командиръ баталіона, чуть было не попавшаго на оторвавшейся баржѣ въ руки врага, потрясенный и уставшій, лежитъ у сваленнаго дерева въ осклизлой грязи и смотритъ въ липкую тьму ночи.

Слышатся чьи-то приближающіеся шаги...

— Кто идетъ?

— Это я, священникъ.

— А вы чего, батюшка, здѣсь?

— Я къ вамъ. Дайте прилягу рядышкомъ.

— Что вы, Богъ съ вами! Идите въ халупу. Тамъ тепло и дождя нѣтъ.

*) У фольварка Скржинки

— Нѣтъ, дорогой, я не имѣю права быть не тамъ, гдѣ всѣ. Что-же я за отецъ духовный, если я проповѣдую одно, а самъ дѣлаю другое? Кто станетъ мнѣ вѣрить, если я не закрѣплю дѣломъ то слово, которое всѣмъ и всегда говорю?

Легъ... И всю ночь, не смыкая глазъ, пролежалъ дрожащій и закоченѣвшій...

Солдатики о немъ говорили, бывало:

— Коли, примѣрно, дорога такая, что сапога не вытащишь, будь покоенъ, батя нашъ безпремѣнно рядышкомъ съ нами шагаетъ.

— Что тебѣ на дорогѣ грязи больше, то нашъ батюшка отъ лошадки далъ.

— Гдѣ повозка или, скажемъ, двуколка увязнетъ, онъ ужъ тутъ, нашъ батя. Рукава засучилъ и со всѣми кряхтитъ. Изъ грязи вызволяетъ.

И его теперь нѣтъ...

Могила его недалеко... Открытое поле, кругомъ обрамленное лѣсомъ... Зеленыя низины... Желтые холмы пажитей, заставленные неболь-шими остроконечными снопами ржи... Вдали сѣрѣетъ крышами избъ деревня Долгишки... Въ ней находится полковой обозъ, и къ небу тянутся изъ походныхъ кухонь струйки вкуснаго дыма... У могилы стоитъ пришедши изъ деревни солдатикъ и молится.

Могила не одинока... Къ ней ласково придвинулись еще три. На одной изъ нихъ читаю

«Павшій за Вѣру, Царя и Родину въ бою 1-го Августа 1915 г. смертью храбраго, 68-го Лейбъ-пѣхотнаго Бородинскаго полка рядовой Павелъ Игнатько»...

И то, что могила почившаго не одинока, то, что она окружена такими-же могилами нижнихъ чиновъ—кажется мнѣ и трогательнымъ, и глубоко символическимъ. Доброму «батюшкѣ» суждено лежать въ своемъ вѣчномъ и послѣднемъ домѣ рядомъ съ тѣми самыми солдатиками, которыхъ онъ такъ много любилъ при жизни, и охранять своимъ омертвѣвшимъ сердцемъ ихъ тихій, нескончаемый покой...

. . . . . .

. . . . . .

И на такого человѣка «они» посягнули!!!...

Я никогда не забуду этихъ глазъ, мутно и безжизненно глядѣвшихъ изъ расширенныхъ орбитъ воскового лица. Въ нихъ было больше мертвеннаго, чѣмъ въ самой смерти. Какая-то страшная пустота, какое-то огромное «ничто» выползали изъ ихъ стеклянной поверхности.

Увидѣлъ я ихъ на Курляндскомъ театрѣ войны, въ Эллѣ, поселкѣ, расположенномъ у самаго шоссе Митава—Шавли.

Съ благоговѣйнымъ молчаніемъ, съ непокрытыми головами какіе-то люди ввели меня въ бывшую квартиру сельскаго учителя. Говорю бывшую, такъ какъ все въ ней звало васъ назадъ, къ тому времени, когда въ ней теплились, кто знаетъ, быть можетъ, тихимъ счастьемъ нѣсколько человѣческихъ жизней, теперь такъ жестоко исковерканныхъ холодной рукой чужого. Къ прошлому звало васъ все именно потому, что у этого «всего» не было настоящаго... Или вѣрнѣе то, что сдѣлалось его настоящимъ—былъ ужасъ...

Всѣ трогательныя подробности маленькой жизни, всѣ уютныя мелочи ея, пріобрѣтенныя на заработанные кровавымъ трудомъ гроши—были растерзаны. Только въ углу, какъ-то одиноко уцѣлѣлъ крошечный образокъ, украшенный убогими цвѣтами изъ бумаги. Все же остальное—обращено въ щепы. Учебныя книги расчленены на отдѣльные листы, застилавшіе пестрой мозаикой крашеный полъ комнаты...

И среди всего этого—разметался одинокій трупъ старика въ напряженной позѣ борьбы и съ страшными глазами изъ стекла...

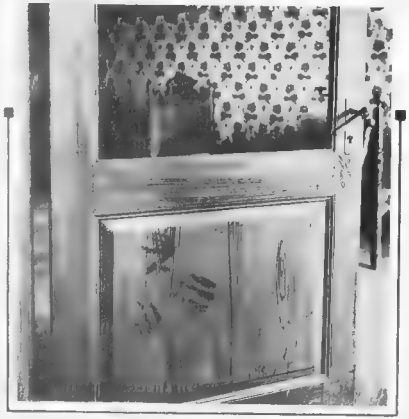
Шопотомъ, какъ-бы боясь вспугнуть притаившійся во всѣхъ углахъ комнаты ужасъ, мнѣ разсказали исторію трупа.

Онъ принадлежитъ отцу учителя школы ВИЛЛИСА КВѢТЭ, который не захотѣлъ раздѣлить участь сына, бѣжавшаго съ матерью при приближеніи сѣрыхъ бандъ непріятеля. Вѣря въ человѣка вообще, онъ безбоязненно остался въ опустѣвшемъ гнѣздѣ, спокойно ожидая событій.

Событія не замедлили развернуться. Пришли враги. Разграбили и разгромили квартиру, а у старика начали требовать денегъ. Далъ всѣ, что были... Требовали еще и еще... Когда давать было уже нечего, начали бить, терзать беззащитное и дряблое тѣло. Показалась кровь... Видъ ея опьянилъ и безъ того пьяныхъ людей, и на онѣмѣвшее тѣло посыпались ножевые удары. Одинъ... Два... Десять... Двадцать...

По полу заструились кровавые потоки.

Озвѣрѣвшіе люди хватались своими смоченными кровью руками за стѣну, за дверь, за окна, оставляя вездѣ страшные отпечатки... Потомъ ушли и, вѣроятно, тотчасъ забыли о содѣянномъ, такъ какъ оно, это содѣянное, было совершено ими въ порядкѣ дня, такъ же,



1. Дверь комнаты убитаго. У скобы и на филенкѣ видны кровавые отпечатки рукъ убійцъ. 2. Трупъ старика, отца учителя Виллиса Квѣтэ

какъ совершалось вчера, позавчера, какъ будетъ совершено завтра...

Видѣнный мною одинокій трупъ долго и неотступно преслѣдовалъ меня. Онъ заслонялъ своей кровавой тѣнью всѣ мелочи повседневной жизни, и, что бы я ни дѣлалъ, за мной всюду слѣдили мутные, широко раскрытые глаза, полные ужаса смерти.

Эти одинокіе трупы, которыхъ такъ много разбросано въ мѣстахъ, посѣщенныхъ противникомъ, производятъ всегда угнетающее впечатлѣніе. Причина этого лежитъ, вѣроятно, въ ихъ ненужности, въ ихъ, такъ сказать, сверхсмѣтности, ибо война, какъ таковая, не только не нуждается въ нихъ, но прямо отрицаетъ ихъ и ихъ сторонится. Поле боя, усѣянное тѣлами храбрыхъ, никогда не родитъ въ васъ такого ужаса передъ смертью, какъ одинокій трупъ на полу комнаты, обрызганной кровью. . . . . .

. . . . . .

Ибо то — война, а это — звѣрство...

ОТРАВЛЕННЫЯ ДЕТИ ШКИ.

Лѣто *) въ Галиціи мы провожали шумно и суетливо. Неожиданно и рѣзко обозначился нажимъ противника на нашу группу, заслонявшую Тарнополь, въ результатѣ котораго закипѣли недѣльные бои, упорные и опустошительные. Одна сторона, какъ магнитомъ, тянулась къ дразнящей ее издали цѣли, другая съ бѣшенымъ порывомъ отражала рядъ оглушительныхъ ударовъ. Высшее командованіе противника смѣшало, какъ, впрочемъ, почти вездѣ, австрійскія и германскія войска и бросало эту ядовитую смѣсь намъ въ лицо. Мы держались до окончанія перебросокъ и подхода къ намъ подкрѣпленій, то отходя изломаннымъ фронтомъ назадъ, то снова врѣзываясь стальнымъ клиномъ въ трепетныя линіи противника.

Окопы...

Мѣстами короткіе, а мѣстами убѣгающіе въ янтарныя дали, они змѣятся по краю возвышенностей, изрытыхъ рядомъ сѣрѣющихъ въ осеннемъ воздухѣ балокъ.

Окопы вырыты наскоро, въ теченіе послѣдней ночи, и населены обычной публикой войны, запыленной, обросшей жесткимъ волосомъ, грубоватой, въ фуражкахъ, клейкимъ блиномъ прилипшихъ къ головѣ, но подвижной и бодрой.

Идетъ бой по всей линіи...

*) 1915 года.

Надъ головами страшная музыка, къ которой трудно привыкнуть...

Тяжелые снаряды, гудя, судорожно всасывая воздухъ и захлебываясь, поютъ свою однообразную пѣсню:

— У-у-у-у-у-у...

А потомъ, какъ-бы сорвавшись, вдругъ жалобно взвизгиваютъ, коротко и крикливо:

— З-з-зи... З-з-зи... З-з-зи...

Шрапнель и цѣлые рои пулеметныхъ и ружейныхъ пуль насыщаютъ все вокругъ насъ суетливымъ и непрерывнымъ дождемъ свинца, чугуна и стали, падаютъ, шлепаютъ по землѣ, протяжно стонутъ послѣ рикошета, какъ натянутая и отпущенная струна:

— И-и-о-о... И-и-о-о...

Воздухъ кругомъ содрогается, завываетъ, свиститъ...

Временами противникъ, какъ-бы утомленный стрѣльбой по насъ, переноситъ огонь вправо или влѣво, адъ въ воздухѣ нѣсколько замираетъ, и только пули чуть слышнымъ роемъ насыщаютъ пространство. Люди облегченно вздыхаютъ, снимаютъ фуражки и обтираютъ рукавами рубахъ лоснящіеся лбы.

— Не курнуть-ли намъ, Митричъ? А? Нѣмецъ нами чаво-то брезговать сталъ: стрѣлять даже не хочетъ...

А кругомъ все кишитъ ружейными пулями...

Пріятели садятся на дно окопа, улыбающіеся, взъерошенные и мокрые, какъ мыши, сосредоточенно-дѣловито лѣзутъ въ карманы, достаютъ оттуда какіе-то рыже-бурые кисеты, медленно скручиваютъ «козью ножку» и насыпаютъ въ нее махорку.

— Митричъ, а Митричъ. Что, ежели-бы, примѣрно, нѣмцу замѣсто цыгары да махорочки дать покурить? А?

— Нѣмецъ, извѣстно, народъ деликатный. Ему подай вина, да цыгары, а то и воевать, поди, не станетъ. Сво-о-лочь онъ. Вотъ кто онъ, твой нѣмецъ.

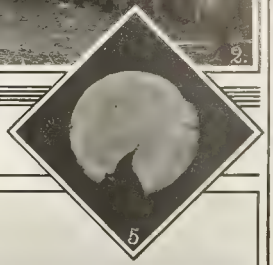
— Что ты, мельница, бѣленый объѣлся, что-ли? Мой-то онъ чаво сталъ?

— Такъ ужъ, одно слово, твой...

Въ воздухѣ становится еще тише... Только пули продолжаютъ ныть протяжно и надоѣдливо...

Человѣкъ съ нервами, приподнятыми ураганомъ боя, не можетъ оставаться спокойнымъ, даже въ минуты относительнаго затишья. Шарниры его тѣла, тронутые огнемъ внутренней лихорадки, продолжаютъ автоматически дѣйствовать, заставляя его то стрѣлять, то ругаться, то двигаться, двигаться во что бы то ни стало, лишь-бы только не находиться въ состояніи покоя...

Вправо отъ меня нѣсколько бѣлобрысыхъ головъ высунулись поверхъ бруствера, глядятъ

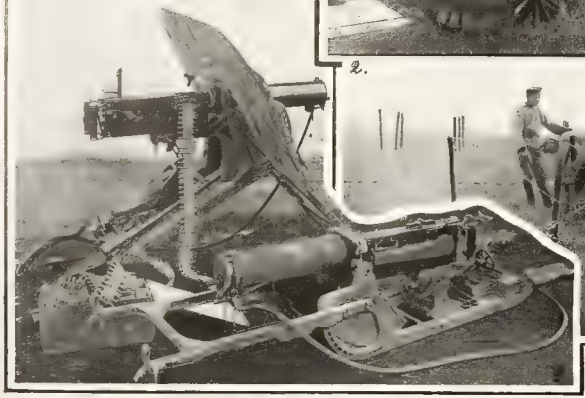


Бой подъ г. Тарнополемъ. 1. Наши окопы. 2. Партія плѣнныхъ германцевъ. 3. Группа трофеевъ, взятыхъ однимъ изъ нашихъ полковъ. 4. Общій видъ города Тарнополя. 5. Отравленная лепешка.

Бой подъ г. Тарнополемъ.

1. Батарея на пути къ позиціи
2. Плетеніе проволочныхъ загражденій
3. Плѣнные германскіе пулеметы

2.



въ сторону противника и что-то оживленно разсказываютъ. Смѣются... Нелѣпо тычутъ пальцами въ воздухъ...

— Эй вы тамъ! Чего выперлись. Тюкнетъ, перестанете зубы скалить. Говорю, опустись!..

Головы, нехотя, поворачиваются, равнодушно скользятъ глазами по нескладной фигурѣ кричащаго взводнаго и снова продолжаютъ смѣяться.

— Вамъ говорятъ, черти, или не вамъ? Что я говорю? Слазь сейчасъ! Не то за ноги стащу.

Со стороны вылѣзшихъ раздается шутливая воркотня, произносимая, однако, вполголоса, съ такимъ расчетомъ, чтобы ее не услышалъ взводный.

— Фу-ты ну-ты ножки гнуты...

— Раскудахтался какъ...

— Не насѣкомая какая-нибудь... Сами понимаемъ...

Однако, солдатики, ворча и сплевывая сквозь зубы, начинаютъ лѣниво опускаться. Одинъ изъ нихъ вдругъ какъ-то странно трепыхается, взмахиваетъ широко и неровно руками и медленно ползетъ внизъ, по отлогости окопа. Изо рта показывается розоватая пѣна. Въ груди слышится свистящее хлюпанье. Онъ, лежа какъ-то неловко и бокомъ, съ судорожно заломленной подъ голову рукой, дергается всѣмъ тѣломъ часто и дробно.

Товарищи вдругъ, какъ аккордъ безъ педали, затихаютъ и настораживаются. По лицамъ ихъ пробѣгаютъ тѣни, не то жалости къ убитому, не то инстинктивнаго отвращенія къ смерти, какъ къ факту...

Кто-то низкимъ шопотомъ, про себя, произноситъ:

— Сердяга.

Подходитъ взводный. Отъ его недавней раздраженности не осталось и слѣда. Затихшій и какъ-то съежившійся, онъ, однако, не хочетъ обнаружить своей слабости:

— Говори вамъ или не говори, вы все свое.

Онъ нѣсколько мгновеній внимательно смотритъ въ лицо подергивающагося еще трупа, машетъ рукой и медленно, въ развалку, отходитъ... Черезъ минуту его ржавый голосъ раздается уже гдѣ-то правѣе:

— Прицѣлъ-то у тебя какой! Дура! Перемѣни прицѣлъ...

Шумливая толпа непріятельскихъ снарядовъ снова медленно и упорно надвигается на насъ... Пулеметы начинаютъ, словно сотни швейныхъ машинъ, строчить свой нескончаемый саванъ... Надъ головами опять оживаетъ адъ, грохочущій и жуткій... Въ окопѣ все подтягивается и сосредоточенно уходитъ въ текущую «работу»...

Въ послѣдній день Августа бои начали замирать. Раздавленный и истомленный не-

дѣльной свалкой, противникъ отходилъ, мѣстами спѣшно и безпорядочно...

Около 4-хъ часовъ дня... Нѣсколько человѣкъ насъ идетъ по дорогѣ, верстахъ въ 5-ти отъ Анастасува, вблизи рѣки Стрыпы, змѣящейся еле замѣтной стальной ленточкой по побурѣвшему лугу. Среди насъ — командиръ 2-го Финляндскаго стрѣлковаго полка, полковникъ Левицкій, высокій, сухой, очень милый и общительный человѣкъ, находящійся въ томъ возбужденномъ состояніи духа, которое является обычнымъ для людей, долго бывшихъ подъ огнемъ. Несмотря на царящую еще вокругъ оргію боя, всѣми нами остро чувствуется какимъ-то верхнимъ чутьемъ постепенное ея умираніе. На душѣ свѣтло и радостно. Такъ бываетъ съ нами, подчасъ, когда мы на вечерней зарѣ долго смотримъ въ сторону востока, хмураго и посинѣвшаго, гдѣ, сливаясь съ свинцовой мглой лѣса, встаютъ свинцовыя тучи, а потомъ вдругъ оборачиваемся къ лучезарному и смѣющемуся пурпуромъ заката западу. Въ груди невольно рождается тихій вздохъ радостнаго облегченія...

Разговоръ идетъ, конечно, объ отдѣльныхъ эпизодахъ боя. У всякаго есть что разсказать, и всякому хочется сдѣлать это непремѣнно первымъ. Поэтому разговоръ складывается безпорядочно, говорятъ нѣсколько человѣкъ разомъ, и каждый слушаетъ гораздо больше себя самого, чѣмъ другихъ.

Вдали показывается толпа людей, идущихъ грузно, медленно, тяжело и вразбродъ, безъ той стройной мѣрности, какой отмѣчено всегда движеніе строевой части... Плѣнные германцы...

— Какой части?

— Гвардейскаго учебнаго полка *).

Народъ все молодой, рослый, хотя, видимо, сильно утомленный и грязно одѣтый... Взяты въ плѣнъ нашими артиллеристами подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ, куда они спрятались послѣ отхода ихъ полка. Одинъ изъ плѣнныхъ, симпатичный на видъ парень лѣтъ 25-ти, несетъ подъ мышкой краюху хлѣба. Полковникъ Левицкій коротко останавливается и спрашиваетъ у него, указывая пальцемъ на хлѣбъ:

— Что это у тебя?—Kriegsbrod?

Артиллеристы смѣются.

— Это мы ему, Ваше Высокоблагородіе, дали. Дюже голоденъ былъ. Ѣлъ такъ, быдто хлѣба никогда и въ глаза не видалъ. Чуть-что себя самого не проглотилъ.

Нѣмецъ внимательно смотритъ на полковника, скользитъ глазами по его погонамъ, на мгновеніе задумывается и потомъ быстрымъ

*) Прусскаго.

движеніемъ достаетъ изъ мѣшка небольшую круглую лепешку изъ тѣста, формой и величиной похожую на всѣмъ намъ знакомое печеніе «Albert» и подаетъ его Левицкому:

— Das ist Kriegsbrot. Bitte! *)

Ничего не подозрѣвая, полковникъ откусываетъ крошечный кусочекъ лепешки, величиной въ человѣческій ноготь, и начинаетъ его медленно разжевывать, стараясь опредѣлить его вкусъ.

— Дрянь изрядная.

Проходитъ четверть часа. Полковникъ вдругъ почувствовалъ себя скверно... Боль и странный холодъ въ желудкѣ... Ознобъ... Чрезвычайное сердцебіеніе... Пульсъ его трепещетъ, срывается, вызывая внезапныя потемнѣнія сознанія, потомъ снова выравнивается... Доходитъ до 200 ударовъ въ минуту... Мы всѣ находимся въ совершенномъ недоумѣніи.

— Негодяй... отравилъ таки... Убить не могъ, такъ... ядомъ... извелъ...—шепчетъ задыхающимся голосомъ полковникъ Левицкій.

— Здѣсь у меня въ карманѣ... аконитъ... достаньте... дайте 10 капель... Хорошо еще, что... я такъ... мало съѣлъ...

*) Вотъ военный хлѣбъ. Пожалуйста.

Даемъ... Потомъ еще 10 капель... Еще столько-же... еще...

Отвозимъ въ штабъ полка... Укладываемъ въ постель... И здѣсь начинается борьба организма со смертью... Длительная, упорная... Къ счастью, побѣдила не смерть... Но какой цѣной досталась эта побѣда...

Было немедленно отдано распоряженіе задержать отравителя. Къ сожалѣнію, я не знаю, удалось-ли это сдѣлать, или преступникъ, затерявшійся среди тысячъ другихъ плѣнныхъ, остался необнаруженнымъ, но, въ сущности, вѣдь это и неважно. Важенъ самъ отталкивающій фактъ отравленія. Кто-то снабдилъ нижняго чина гвардейскаго полка для вполнѣ опредѣленной цѣли несущими смерть лепешками, а этотъ послѣдній, обласканный и накормленный четверть часа тому назадъ взявшими его въ плѣнъ солдатами, рѣшается, какъ-бы въ благодарность за эту ласку, на гнусное отравленіе ихъ полковника.

Въ мозгу невольными и тяжелыми нитями протягиваются параллели между «нами» и «ими»...

Какія страшныя, какія потрясающія параллели...

Лагерная церковь близь Конска

Можно вѣрить и можно не вѣрить. Это дѣло религіозной совѣсти каждаго. Есть нѣкоторые люди, которые говорятъ даже, что періодъ вѣры можно перерасти. Я лично держусь иного мнѣнія. По моему глубочайшему убѣжденію, чтобы нравственно дорасти до способности вѣрить, нужно взлетѣть къ такимъ вершинамъ одухотворенности, которыя доступны или натурамъ, элементарно-простымъ и чистымъ, или, наоборотъ, характерамъ глубокимъ, старательно отшлифованнымъ сложной жизнью и высокой культурой. Первыя—стихійно тянутся къ вѣрѣ, какъ мотылекъ къ свѣту, влекомыя къ ней здоровымъ инстинктомъ и свѣжимъ чувствомъ неиспорченнаго нутра, вторыя подходятъ къ ней медленно и осторожно, но столь-же неизбѣжно, какъ и первыя, но подходятъ путемъ длительнаго разсудочнаго процесса, начинающагося въ мысли и уже потомъ переходящаго въ чувство.

Что касается до духовныхъ организацій, находящихся между названными двумя полюсами, то онѣ, эти организаціи, относятся безразлично къ дѣламъ вѣры, оставаясь поэтому лишенными возможности переживать возвышенныя и, подчасъ, весьма острыя наслажденія, неразрывно связанныя съ ней. Въ своей сѣренькой посредственности онѣ—съ одной стороны недостаточно чисты, а съ другой недостаточно глубоки для того, чтобы быть пріобщенными къ переживаніямъ этого рода.

Къ сожалѣнію—такихъ весьма много. Наши, такъ называемые, интеллигентные классы общества поставляютъ значительное количество людей этой третьей категоріи, людей, для которыхъ вопросы вѣры представляются чѣмъ-то лишнимъ, ненужнымъ, не заслуживающимъ даже небольшого вниманія. Это, впрочемъ, наблюдается не только среди нашей интеллигенціи, но и среди всякой другой. Аморфная, нецѣлостная, разбитая на безконечное количество небольшихъ сферъ, живущихъ среди спеціальныхъ узко-эгоистическихъ интересовъ, не успѣвающая приспособиться къ все новымъ и новымъ условіямъ галопирующей жизни и, вслѣдствіе этого, находящаяся въ состояніи хроническаго недомоганія, интеллигенція утратила здоровое жизненное чувство и рядъ связанныхъ съ нимъ нравственныхъ предрасположеній. А это послѣднее исключаетъ условія, благопріятныя для возникновенія чистаго религіозно-мистическаго чувства вѣры.

Счастливымъ, если позволительно такъ выразиться, качествомъ невѣрія является то обстоятельство, что оно, въ противоположность чувству вѣры,—состояніе, по преимуществу, пассивное. Будучи отрицательнымъ (не-вѣріе) въ идеѣ, оно старается вообще не

Одна изъ иконъ лагерной церкви, на которой написано число стоявшихъ въ церкви лошадей: «30 Pferde».

Лагерная церковь близъ г. Конска, обращенная въ конюшню. 1. Видъ иконостаса, на одной изъ иконъ котораго сдѣлана 2 раза надпись: «Nagг», а на другой имѣются слѣды кощунственнаго надругательства. 2. Царскія врата съ вывломанными иконами-медальонами. 3. Видъ разгромленнаго алтаря, гдѣ на мѣстѣ престола оставлены человѣческіе отбросы

проявлять себя въ жизни дѣйственно, скромно замыкаясь въ нѣдрахъ невѣрящей души, иногда лишь изливаясь въ словахъ и почти никогда въ дѣйствіи. Причина этого заключается, вѣроятно, въ наперед заданномъ чувствѣ мистичности, въ самомъ лучшемъ и благородномъ значеніи этого слова, свойственномъ всякой, не вполнѣ извращенной человѣческой природѣ, при какихъ бы условіяхъ она ни жила и подъ какими бы широтами ни существовала.

Это чувство, иногда выраженное ярче, а иногда затемненное другими качествами душевной организаціи человѣка, составляетъ, такъ сказать, непререкаемое основаніе всякой отдѣльной духовной жизни, одну изъ ея категорій. Вотъ почему мы всегда такъ деликатно, я сказалъ-бы даже, такъ боязливо относимся къ внутреннимъ религіознымъ переживаніямъ другого. Вотъ почему въ обществѣ установился благородный обычай не только не спорить, но даже и не говорить о дѣлахъ вѣры, если, конечно, въ этомъ отношеніи не будетъ выражено спеціальное желаніе собесѣдника.

Я съ тихой радостью и гордостью вспоминаю всегда о томъ трогательномъ религіозномъ почтеніи, съ какимъ всѣ чины нашей арміи, безъ единаго исключенія, относились къ вражескимъ костеламъ во время побѣдоноснаго вторженія въ Галицію прошлой осенью. Занимая какое-либо селеніе, въ которомъ былъ костелъ, мы находили его обыкновенно не только отпертымъ, но даже открытымъ. Сквозь настежь распахнутыя двери на насъ смотрѣли скорбные лики мадоннъ, задумчивые алтари улыбались позолотой своихъ капителей, статуи святыхъ въ молитвенныхъ позахъ простирали къ намъ руки...

Мы заходили въ костелы, молились въ нихъ горячо и страстно, какъ только могутъ молиться люди, дѣлающіе тяжелое и страшное дѣло войны. И за все время я не только ни одного раза не видѣлъ самъ, но и никогда ни отъ кого не слышалъ, чтобы наши войска, хотя-бы однажды, не оправдали благородной довѣрчивости населенія, открывшаго имъ настрѣчу двери своихъ храмовъ, и что-либо взяли изъ нихъ. Не были тронуты не только находившіеся въ костелахъ священные предметы, но даже и самыя незначительныя принадлежности церковнаго обихода. И это достигалось вовсе не какими-либо репрессивными мѣрами военной власти и даже не взаимнымъ контролемъ, а просто ни единому человѣку изъ состава арміи не приходила и не могла прійти въ голову самая мысль о возможности въ данномъ случаѣ преступленія— до такой степени всѣ были далеки отъ него. Въ каждомъ говорило лишь его собственное внутреннее чувство, въ существѣ своемъ чистое, благородное и деликатное, которое и

подсказывало ему соотвѣтственные пути дѣйствій.

Такъ поступали мы. Не такъ, къ сожалѣнію, поступаетъ врагъ. Цѣлымъ рядомъ своихъ дѣйствій, обратившихся въ стройную, планомѣрно проводимую всегда и вездѣ систему, онъ всѣми силами старается доказать, что его извращенному чувству чуждо все то, что составляетъ самую лучшую, самую благородную сторону человѣческой природы, какъ таковой. И, надо правду сказать, это ему удается, какъ нельзя лучше. Даже слѣпые уже прозрѣли и увидѣли, что культурой чувства, культурой нутра врагъ стоитъ на много столѣтій ниже не только современныхъ народовъ Европы, но даже дикарей желтаго и чернаго материковъ...

Изъ сотенъ видѣнныхъ мной разрушенныхъ церквей и костеловъ сейчасъ передъ моими глазами стоитъ маленькая, скромная, деревянная, лагерная церковь подъ Конскомъ, снаружи совершенно нетронутая, но тѣмъ оскорбительнѣе истерзанная внутри. О видѣнномъ въ ней я могу разсказать только кратко... И вовсе не потому, что о немъ, этомъ видѣнномъ, нельзя сказать многаго. Совсѣмъ наоборотъ. Кощунственный разгромъ былъ произведенъ до такой степени фундаментально, что о немъ можно было-бы писать на десяткахъ страницъ... Но кто-же на это рѣшится? Кто найдетъ въ себѣ силу остановиться на ужасѣ дольше, чѣмъ это абсолютно необходимо? И чѣмъ больше ужасъ, тѣмъ тяжелѣе на немъ задерживается,—тѣмъ томительнѣе хочется скорѣй пройти мимо и скорѣй снова попасть въ круговоротъ привычныхъ и здоровыхъ впечатлѣній жизни...

Церковь была, прежде всего, обращена въ конюшню. На полу вездѣ разбросана солома и характерный глубоковозмутительный мусоръ, встрѣчаемый только въ конюшнѣ. На большой иконѣ, висящей справа отъ алтаря и въ мягкихъ, навѣянныхъ истинными религіознымъ чувствомъ тонахъ и линіяхъ изображающей Рождество Христово, написано «30 Pferde»... Глаза Христа-Младенца на этой иконѣ—выколоты преступной рукой... Выколоты также горѣвшіе грустнымъ голубымъ огнемъ глаза Спасителя—на одной изъ мѣстныхъ иконъ. На другой мѣстной иконѣ Богоматери, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, воплощавшей собой идею одухотвореннаго материнства, два раза написано «Nagt»... Иконы-медальоны царскихъ вратъ выломаны и уничтожены. Алтарь разгромленъ, и на мѣстѣ престола—экскременты человѣка...

Вотъ, что я увидѣлъ въ несчастной лагерной церкви.

Это, впрочемъ, одна сотая часть того ужаса, который былъ совершенъ въ незащи-

щенномъ штыками и артиллеріей храмѣ. Помимо жестоко ущемленнаго религіознаго чувства, мнѣ еще и сейчасъ безконечно больно за врага, стыдно за то, что поруганныя святыни не нашли себѣ защиты въ его темной, омраченной нечеловѣческими инстинктами душѣ...

Народъ, не умѣющій уважать чужихъ святынь,—не достоинъ имѣть и свои собственныя...

Это было давно, въ самомъ началѣ войны. Пришедшій мнѣ въ голову случай такъ незначителенъ самъ по себѣ, такъ мало характеренъ даже въ бытовомъ отношеніи, что о немъ не слѣдовало-бы и говорить, если-бы онъ не представлялся мнѣ теперь, на разстояніи многихъ мѣсяцевъ войны, въ связи со всѣмъ пережитымъ, однимъ изъ первыхъ звеньевъ той роковой цѣпи жестокостей, которая такъ напряженно куется противникомъ.

Мой полкъ, въ числѣ многихъ другихъ, совершалъ ураганное и побѣдоносное вторженіе въ Галицію. Война была еще новостью, и мы всѣ отдавались ей съ тѣмъ острымъ пыломъ, на который способенъ человѣкъ, когда онъ весь, забывъ все окружающее, приспособляется къ одной преобладающей идеѣ. Война, да еще къ тому-же «такая» война, составляла тогда все содержаніе нашей жизни, ея пищу, ея воздухъ, ея счастье. Настроеніе подогрѣвалось еще рядомъ ослѣпительныхъ успѣховъ, не омраченныхъ ни единой неудачей. Въ результатѣ всего этого хотѣлось употребить всѣ силы на то, чтобы сдѣлаться достойнымъ этого счастья, хотѣлось стать безупречнымъ, стать благороднымъ, какъ само благородство.

Я вовсе не хочу сказать, что теперь что-то измѣнилось и измѣнилось къ худшему. Вовсе нѣтъ. Внимательно вглядываясь въ нынѣшнія настроенія войны, нельзя не прійти къ заключенію, что они способны обезпечить побѣду болѣе, чѣмъ какія-бы то ни было иныя. Дѣло въ томъ, что каждому крупному теченію въ обществѣ суждено въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ пережить два отличныхъ одинъ отъ другого періода: періодъ героическій и періодъ, такъ сказать, реальный. Первый представляетъ собою рядъ колючихъ и безудержныхъ порывовъ въ невѣдомое будущее, проявленіе огромныхъ силъ духа и тѣла, опьяненіе увлекательной новизной дѣла. Это періодъ весны. При всей чарующей своей прелести, онъ имѣетъ, однако, и весьма существенные недостатки: порывы его лишены необходимой выдержки, силы—недостаточно дисциплинированы, опьяненіе—заставляетъ искать крайностей. Періодъ реальный, будучи лишенъ юношескихъ достоинствъ героическаго, избѣгаетъ въ то же время и его недостатковъ. Это періодъ по преимуществу зрѣлый. Бродившія въ неопредѣленныхъ исканіяхъ силы нашли, наконецъ, надлежащую точку своего приложенія, отстоялись, сознали себя и окрѣпли. Порывы въ невѣдомое будущее смѣнились точнымъ знаніемъ того, что надо дѣлать сегодня и завтра. Увлекательное и новое дѣло стало уже старымъ, хорошо знакомымъ и дѣлается поэтому съ той отчетливостью, съ какой рабочій пускаетъ въ ходъ привычную машину, у кото-

рой онъ работаетъ долгое время. Все это не исключаетъ, конечно, извѣстнаго разумнаго порыва въ дѣлѣ, такъ какъ дѣло войны всегда было и будетъ всѣмъ намъ близкимъ и дорогимъ, а при этихъ условіяхъ въ него будетъ, естественно, вложено все то лучшее, что есть въ каждомъ изъ насъ.

Какъ я уже сказалъ, въ началѣ войны всѣ мы переживали героическій ея періодъ...

Когда приходилось собраться офицерскимъ кружкомъ около вкусно дымящейся походной кухни, невольно хотѣлось подъ шумокъ веселаго разговора подвести грустные итоги войны, не видя на привычныхъ мѣстахъ знакомыя лица. Но все это тотчасъ проходило, какъ-то не задѣвая глубокихъ нѣдръ души, въ которыхъ, не умолкая, бродили звуки бодрой пѣсни.

Легкое настроеніе въ значительной мѣрѣ поддерживалось еще тѣмъ удивительнымъ и искреннимъ радушіемъ, съ которымъ насъ всюду встрѣчало русинское населеніе. Будучи не только по своему происхожденію и языку, но и во всѣхъ мелочахъ своего быта русскими, вѣрнѣе малороссами, русины тотчасъ по нашемъ приходѣ въ деревню добровольно и благожелательно открывали намъ не только кувшины съ молокомъ и чашки съ вареньмъ картофелемъ, но и, весьма часто, свои души. Подавляющее большинство нижнихъ чиновъ моего полка—были также малороссы, почему между ними и населеніемъ устанавливались тотчасъ самыя дружескія отношенія, заводились на мягкомъ и благозвучномъ нарѣчіи береговъ Днѣпра, безконечные разговоры о хозяйствѣ, о томъ, «какъ у васъ» и «какъ у насъ».

Единственное, что отравляло идиллическую картину вдвиженія въ непріятельскія области—это одно обстоятельство, природу котораго никакъ не удавалось установить, несмотря на цѣлый рядъ предпринимавшихся энергическихъ мѣръ. Обстоятельство это—пожары. Куда бы мы ни пришли, какую бы деревню ни заняли—неизбѣжно къ вечеру въ ней возникалъ пожаръ, истреблявшій цѣлый рядъ крестьянскихъ хозяйствъ. Эти упорные пожары, и таинственные, и непонятные въ одно и то же время, вызвали со стороны нашего военнаго начальства организованную борьбу съ собой. Нижніе чины размѣщались подъ наблюденіемъ не только самыхъ строгихъ подпрапорщиковъ и фельдфебелей, но даже и офицеровъ, было категорически запрещено курить въ крытыхъ помѣщеніяхъ, костры разрѣшалось раскладывать лишь вдали отъ хозяйственныхъ построекъ и т. п.

Ничто, однако, не помогало.

Пожары съ неослабѣвающимъ упорствомъ продолжали преслѣдовать насъ и несчастныхъ жителей занимавшихся нами селеній.

Казалось, мы попали въ какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго не было выхода.

И вотъ, однажды, когда полкъ стоялъ, кажется, въ м. Олеско, происхожденіе пожаровъ разъяснилось и просто и неожиданно. Разъяснилась также и причина, почему природа ихъ такъ долго и такъ упорно ускользала отъ нашего вниманія.

Ведя войну въ плоскости дозволеннаго ея законами, въ плоскости уваженія къ жизни и имуществу человѣка вообще, особенно же того человѣка, который не участвуетъ въ ней съ оружіемъ въ рукахъ, мы, естественно, эти наши собственныя ощущенія вкладывали и въ грудь противника, не имѣя еще достаточныхъ основаній считать его хуже себя. Вотъ почему причины пожаровъ мы искали всегда въ себѣ, и только въ себѣ, казня только себя за нихъ и за производившіяся ими опустошенія. Дѣло обстояло, однако, какъ оказалось, совершенно иначе...

Было, какъ сейчасъ помню, свѣтлое прозрачное утро той ранней осени, когда лѣто еще не совсѣмъ окончилось, а осень еще не совсѣмъ наступила, когда во всѣхъ подробностяхъ пейзажа, въ окраскѣ неба, въ невидимыхъ токахъ воздуха, чувствовалось уже начало вѣковѣчной борьбы добра со зломъ, свѣта съ тьмой, тепла съ холодомъ, борьбы, воспѣтой въ эпосѣ всѣхъ народовъ, отразившейся въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ ихъ культѣ.

Небольшое и довольно грязное мѣстечко, населенное поляками, русинами и еврейской бѣднотой, какъ-бы сознавая значительность происходившей въ природѣ борьбы, почистилось и, освѣщенное разсѣянными и косыми лучами склонявшагося къ зимѣ солнца, выглядѣло какъ-бы чище, чопорнѣе и привѣтливѣе. На угрюмой скалѣ за мѣстечкомъ высились молчаливыя развалины замка, въ которомъ родился «самъ» Янъ Собѣскій, шептавшія таинственную сагу. Вдали синѣющими силуэтами, застилая всю необъятную ширь горизонта, вздымались мягкіе отроги Карпатъ...

Не взирая на раннее утро, я былъ уже въ штабѣ полка, занявшемъ помѣщеніе мѣстнаго Общества взаимнаго кредита, брошеннаго на произволъ судьбы его хозяевами съ растворенными окнами и отпертыми дверцами несгораемыхъ кассъ. Вошелъ дежурный писарь и доложилъ, что нижніе чины полка привели австрійца. Выхожу и вижу двухъ молодцеватыхъ солдатиковъ и между ними сѣро-синюю фигуру человѣка въ австрійскомъ обмундированіи, но безъ головного убора. Фигура какъ-то странно ежится, безпокойно озирается по сторонамъ и, видимо, чего-то боится. Мнѣ сразу это показалось подозрительнымъ. Австрійскіе плѣнные вовсе не имѣютъ такого

затравленнаго вида. Не смотря на новизну войны и связанной съ нею обстановки, нижніе чины австрійской арміи уже отлично поняли психологію своего противника и, сдаваясь въ плѣнъ подъ напоромъ измѣнившаго имъ счастья войны, дѣлали это далеко не съ видомъ обреченныхъ на смерть. Они успѣли уже узнать, что русскіе убиваютъ только на полѣ боя.

— Гдѣ взяли австрійца?

— Это, ваше высокоблагородіе, не австріецъ, а просто здѣшній крестьянинъ, — доложилъ мнѣ одинъ изъ солдатиковъ, полагая, очевидно, что почетное званіе австрійца могутъ носить только чины австрійской арміи. Передавая мнѣ отобранную у «крестьянина» бутылку съ бензиномъ, тряпки и спички, онъ объяснилъ далѣе, что, проходя мимо одного изъ стоговъ сѣна у мѣстечка, онъ замѣтилъ на боковой его сторонѣ свѣже выбранное и вновь заложенное сѣномъ мѣсто. Это показалось ему подозрительнымъ, онъ засунулъ въ взрыхленное сѣно руку и наткнулся на чью-то ногу. Съ помощью подошедшаго земляка ему удалось извлечь изъ стога стоявшаго передо мной человѣка и отобрать отъ него бензинъ, тряпки и спички. Произведеннымъ тутъ-же на мѣстѣ допросомъ ему удалось также выяснить и то обстоятельство, что задержанный не принадлежалъ къ составу арміи, а былъ просто крестьяниномъ одной изъ недалекихъ деревень.

Я велѣлъ арестовать приведеннаго. Допросъ его далъ совершенно неожиданные для всѣхъ результаты. Оказалось, что, очищая какой-либо раіонъ, противникъ оставлялъ въ немъ цѣлую армію поджигателей, снабжая ихъ всѣми приспособленіями для производства поджоговъ и, въ зависимости отъ обстоятельствъ, даже военнымъ обмундированіемъ. Назначеніе этой арміи заключалось въ томъ, чтобы немедленно зажигать занимаемую нами деревню, давая этимъ знать, что она уже занята. Военнымъ костюмомъ, по словамъ задержаннаго крестьянина, ихъ снабжали для приданія извѣстнаго вѣса въ глазахъ туземнаго населенія. Неумѣлое пользованіе этимъ костюмомъ и послужило причиной задержанія стоявшаго передо мной поджигателя, а его неумѣстная болтливость раскрыла всю гнусную организацію поджоговъ.

Жестокій человѣкъ, рѣшившійся за деньги на скверное дѣло, былъ отправленъ въ Штабъ корпуса, и я потерялъ его изъ вида, но разсказанное имъ раскрыло всѣмъ намъ впервые глаза. Всѣ мы ясно увидѣли, какую злую и извращенную силу имѣли мы передъ собой въ лицѣ врага, который не задумывался сжечь цѣлую деревню своихъ гражданъ, разрушить сотни благосостояній, разбить тысячи жизней для того, чтобы передать своимъ войскамъ, находившимся въ десяти верстахъ, только три слова: «деревня занята русскими».

КОСТЕЛЬ ВЪ ПАРАДИЗѢ.

Мнѣ пришлось по казенной надобности побывать на позиціяхъ одного изъ крупныхъ подраздѣленій юго-западнаго фронта въ той его части, гдѣ онъ, упрямо выдвинувшись впередъ, врѣзался глубокимъ и тупымъ клиномъ въ расположеніе боевыхъ линій противника.

Былъ періодъ длительнаго затишья. Только изрѣдка раздавалось то тамъ, то здѣсь тяжелое уханье орудій, будившее и людей, и дремавшую природу, да слышалось гдѣ-то сухое щелканье ружейнаго огня... А потомъ снова тишина, снова пѣсни жаворонковъ, вонзавшіяся въ прозрачныя волны весенняго воздуха, и снова голубое небо, улыбающееся тому, что на немъ уже успѣло растаять послѣднее облачко отъ разрыва шрапнели...

Я люблю какой-то жуткой любовью жизнь на позиціяхъ. Она полна той трагической красоты, которой намъ такъ замѣтно не хватаетъ въ обычной жизни.

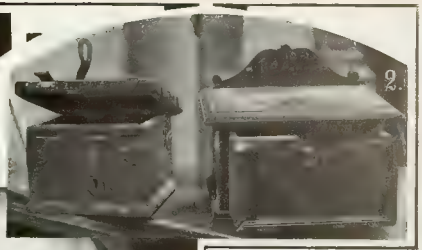
Въ ней вы сразу усматриваете опредѣленный планъ, желѣзную стройность системы, единую надъ всѣмъ тяготѣющую и все направляющую волю, т. е. все то, что должно составлять истинную сущность всякой жизни, и что, къ сожалѣнію, уничтожается въ ней столкновеніемъ отдѣльныхъ интересовъ, отдѣльныхъ влеченій и характеровъ...

Періодъ затишья использованъ войсками въ полной мѣрѣ. Люди отдохнули, одѣлись, почистились, многому подучились. Учатся еще и теперь. Вездѣ приборы для повѣрки прицѣливанія, чучела для колки, гимнастическіе снаряды, однимъ словомъ, весь знакомый и милый обиходъ лагерной жизни, перенесенный сюда чьей-то заботливой рукою. Съ занятій всѣ возвращаются съ пѣснями—загорѣлые, бодрые, веселые, шумливые... Въ собравшейся кучкѣ офицеровъ—смѣхъ... Разговоръ идетъ прерывчатый, нервно оживленный и веселый, такой, какой обыкновенно складывается, когда сходится нѣсколько молодыхъ, здоровыхъ людей, которые знаютъ, что они молоды и здоровы. Разсказываютъ о случаѣ на волжскомъ пароходѣ, когда порывомъ вѣтра сорвало и бросило въ рѣку шляпу одной молодившейся дамы вмѣстѣ съ ея парикомъ... Смѣются... Разсказываютъ, какъ на-дняхъ нѣсколько тяжелыхъ батарей противника выбросили впродолженіе дня въ одну изъ сосѣднихъ деревень болѣе 1000 снарядовъ, убившихъ всего лишь одну курицу и одного пѣтуха. И снова смѣются... Разсказываютъ далѣе, какъ передъ самой Пасхой непріятель выпустилъ въ порывѣ ненужной жестокости болѣе 2000 снарядовъ по костелу и по селу Парадызъ, находившимся въ 4-хъ верстахъ отъ окоповъ, превративъ въ груду развалинъ все то, что уцѣлѣло послѣ опустошительнаго отступленія его арміи, не пощадившей ни людей, ни святынь... Этому уже никто не смѣется... Вдругъ стало какъ-то тихо и неловко... Сдѣлалось не то стыдно за противника, не то неловко за офицера, вспомнившаго въ такой славный весенній вечеръ объ этой безцѣльной жестокости...

Мнѣ захотѣлось посмотрѣть на разгромленный костелъ. Въ насъ, маленькихъ людяхъ, заложено какое-то болѣзненное стремленіе созерцать поверженное въ прахъ величіе. Быть можетъ, это несознанная зависть маленькаго большому, быть можетъ, что-либо иное—не умѣю сказать. Съ расширенными отъ ужаса глазами, съ остановившимся сердцемъ, но и съ колючей жадностью, смотримъ мы всегда на распростертое передъ нами великое...

Я поѣхалъ... Черезъ полчаса остановился въ небольшой, очень чистенькой, вѣроятно, въ прошломъ, деревнѣ съ каменными домиками, съ двухэтажной больницей и съ большою площадью, замкнутой съ одной стороны огромнымъ массивомъ костела. Костелъ—старинный, построенный въ началѣ XVI столѣтія и бывшій до средины прошлаго столѣтія монастыремъ.

На стѣнахъ его, на стѣнахъ старинной колоннады, заботливо обступившей со всѣхъ



Костелъ въ с. Парадызъ, Радомск. губ. (бывшій монастырь). 1. Видъ разрушенной крыши 2. Ограбленныя церковныя кружки съ пожертвованіями въ пользу бѣдныхъ, на двери изъ которыхъ имѣется надпись: «Ofiara na chléb S-go Antoniego». 3. Двѣ изъ истерзанныхъ ножами иконъ. 4. Боковые алтари.

Костелъ въ селѣ Парадызъ, Радомск. губ. 1. Внутренній видъ одной изъ келій. 2. Видъ монастырскаго двора. 3. Одинъ изъ монастырскихъ коридоровъ съ дверями келій. 4. Видъ разгромленной части села съ жителями, разыскивающими среди пожарища уцѣлѣвшее имущество.

Внутренній видъ костела въ селѣ Парадызъ.

сторонъ костельный дворъ съ задумчивой статуей Мадонны посредине—легко прочитывается цѣлая поэма одной изъ старинныхъ польскихъ фамилій.

Вездѣ мертвенно и пусто... Ни людей, ни даже животныхъ... Пробираясь среди развалинъ, я вошелъ внутрь бывшихъ монастырскихъ строеній. Огромные коридоры, длинные, какъ вѣка, протекшіе мимо ихъ молчаливыхъ оконъ, обращены въ жуткія груды кирпича, известки и пыли. Ни крыши, ни сводовъ, ни стѣнъ. Все сметено порывомъ налетѣвшаго ужаса...

Маленькія кельи, еще, сравнительно, не столь давно обвѣянныя мягкой задумчивостью монастырскаго подвига, завалены до краевъ смѣсью камня, желѣза и дерева...

Вхожу въ костелъ... Даже разрушенный, онъ красивъ той хорошей, здоровой красотой, какой бываютъ красивы только старинныя зданія. Отдѣланъ—въ стилѣ ренессансъ. До разрушенія въ немъ было много дорогой рѣзьбы, позолоты, старинныхъ иконъ. Теперь все, что можно было испортить, разрушить, оскорбить—разрушено и оскорблено... И то, какъ это сдѣлано — поражаетъ своей безцѣльностью и явной ненужностью...

Видимо, разрушали ради разрушенія. Преслѣдовали не цѣли войны, а руководились голосомъ внутренняго чувства, къ сожалѣнію, жестокаго и преступнаго...

Выкололи иконамъ глаза, взрѣзали ихъ ударами штыковъ, написали на нихъ непристойности, разрушили, разграбили и осквернили алтари—и все это, видимо, безъ порыва, безъ ослѣпленія внезапно налетѣвшимъ угаромъ бѣшенства, а методически, съ скверным убѣжденіемъ въ томъ, что это именно потому и должно быть сдѣлано, что оно скверно...

На душѣ у меня сдѣлалось вдругъ грустно и за кого-то стыдно...

Изъ всѣхъ мелочей разрушенія назойливо выползалъ вопросъ:

— Зачѣмъ?

Этотъ вопросъ шептали четырехсотлѣтними устами и длинные монастырскіе коридоры, и скорбныя кельи, и истерзанные лики святыхъ, и оскорбленные алтари...

А когда я уже выходилъ изъ церковной ограды и взглянулъ на Мадонну, грустно стоявшую посреди обрамленнаго колоннадой двора, мнѣ показалось, что и она, глядя на меня каменными глазами изваянія, тихо шептала:

— Зачѣмъ?..

Однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ проявленій жестокихъ инстинктовъ противника, проводимыхъ имъ на всемъ протяженіи войны, на всѣхъ фронтахъ и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ боевой обстановки—является употребленіе имъ разрывныхъ пуль. Фактъ ихъ употребленія до такой степени зауряденъ и, вслѣдствіе этого, до такой степени общеизвѣстенъ, что не требуетъ никакихъ специальныхъ доказательствъ, давно обратившись во всеобщее убѣжденіе.

Интереснымъ моментомъ этой категоріи звѣрства является то обстоятельство, что отвѣтственность за него падаетъ не на отдѣльныхъ чиновъ непріятельскихъ армій, а соотвѣтственно на Германское и Австро-Венгерское правительства, официально дѣйствующія отъ имени представляемыхъ ими народовъ. Если отдѣльный трупъ ребенка съ перерѣзаннымъ штыкомъ-пилой горломъ, если отдѣльная изнасилованная женщина, икона съ выколотыми глазами и т. п., какъ всякій изолированный случай эксцесса, могутъ быть объяснены противникомъ *) извращенностью какого-нибудь Гинце, Шульца или Мюллера, то въ исторіи съ разрывными пулями дѣло обстоитъ совершенно иначе. Здѣсь само правительство, въ лицѣ вѣдомства артиллерійскихъ снабженій, даетъ распоряженіе объ изготовленіи опредѣленнаго количества боевого матеріала, воспрещаемаго къ употребленію не только законами и обычаемъ войны, но и здоровымъ человѣческимъ чувствомъ, и затѣмъ этотъ изготовленный матеріалъ, дѣлая на немъ особый условный знакъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже, направляетъ въ дѣйствующую армію. Такимъ образомъ, великолѣпно зная напередъ — съ одной стороны катастрофичность раненія разрывными пулями и общее количество отправляемыхъ въ армію пуль, а съ другой — учитывая на основаніи опыта приблизительный процентъ попаданій, правительство впередъ уже и, притомъ, совершенно сознательно обрекаетъ опредѣленное число чиновъ нашей арміи на незаслуженныя и ужасающія по своимъ послѣдствіямъ раненія.

Чины вражескихъ армій, получивши для употребленія разрывныя пули, находятся еще въ значительно худшемъ, въ моральномъ отношеніи, положеніи, чѣмъ само ихъ правительство. Если правительство, отправляя въ армію, положимъ, сто тысячъ разрывныхъ пуль, знаетъ, что изъ ста выпущенныхъ изъ винтовки пуль работаетъ на пораженіе всего одна, оно тѣмъ самымъ уже предопредѣляетъ одну тысячу человѣческихъ тѣлъ на ката-

*) Такое объясненіе, конечно, ни для кого не убѣдительно, ибо для насъ жестокости врага не являются изолированными случаями, составляя характерную обстановку всѣхъ его дѣйствій

строфическое раненіе. Въ иномъ положеніи находится какой-нибудь Шульцъ или Гинце. Не зная, какая именно его пуля даетъ попаданіе, онъ каждый разъ одинаково старательно прицѣливается, а потому и каждый разъ можетъ разсчитывать на то, что посчастливится именно данной пулѣ, и именно она дастъ требуемый отъ нея эффектъ. Такимъ образомъ всѣми Шульцами и Гинце, вмѣстѣ взятыми, совершается ровно столько преступленій противъ закона войны и человѣчности, сколько ими въ общей сложности выпускается разрывныхъ пуль.

Всѣ употребляемыя противникомъ разрывныя пули по принципу, на которомъ основано ихъ разрывное дѣйствіе, можно подраздѣлить на двѣ части: на собственно разрывныя и на полуоболочечныя (пули думъ-думъ).

Дѣйствіе первыхъ обусловливается спеціальнымъ взрывающимъ механизмомъ, включеннымъ въ никкелевую оболочку, дѣйствіе-же вторыхъ достигается просто нарушеніемъ цѣлости никкелевой оболочки пули, или путемъ надрѣзовъ ея поверхности, параллельныхъ длинной оси, или недоведеніемъ этой оболочки до конца пули, при ея изготовленіи на заводѣ, или, еще проще, скусываніемъ или стачиваніемъ ея вершины.

Изъ чертежа № 5, помѣщеннаго на 1-й сборной таблицѣ (см. позади текста), видно устройство австрійской собственно разрывной пули.

Вся пуля этого типа покрыта никкелевой оболочкой. Въ головной части оболочки вставлена свинцовая пуля (1), ниже пули помѣщенъ зарядъ (2), состоящій изъ весьма энергичнаго взрывчатаго вещества. Зарядъ заключенъ въ никкелевую оболочку съ капсулемъ (3) въ донышкѣ и состоитъ, согласно химическаго анализа, изъ чернаго пороха, спрессованнаго съ нѣкоторой частью аллюминія. Ниже заряда находится стаканчикъ изъ никкеля (4), въ коемъ помѣщено ударное приспособленіе, состоящее изъ мѣднаго кольца (5), разрѣзаннаго параллельно оси, и мѣднаго ударника (6), болѣе или менѣе свободно двигающагося впередъ и назадъ въ разрѣзанномъ кольцѣ. Между никкелевой оболочкой пули и зарядомъ имѣется свинцовая прослойка (7).

Дѣйствіе пули происходитъ слѣдующимъ образомъ: при ударѣ ея въ какое-либо постороннее тѣло, въ силу закона инерціи, происходитъ внутреннее перемѣщеніе ея частей. Ударникъ (6), сохраняя, согласно названнаго закона, прежнюю скорость, даже и послѣ удара пули въ какое-либо тѣло и происшедшаго вслѣдствіе этого замедленія ея движенія, перемѣщается въ кольцѣ (5) нѣсколько впередъ, по направленію движенія пули и своимъ заостреннымъ концомъ ударяетъ въ капсуль (3).

который воспламеняется и взрываетъ зарядъ (2).

Пуля этого типа, разрываясь, даетъ значительное количество осколковъ, иногда едва видимыхъ простымъ глазомъ, но острыхъ, весьма неправильной формы, распыленныхъ по всей изъязвленной поверхности раны, проникающихъ довольно глубоко внутрь раны и весьма затрудняющихъ нормальное заживленіе ея тѣмъ болѣе, что они не поддаются полному извлеченію, и въ извѣстной своей части всегда остаются въ тѣлѣ человѣка. Изъ ранъ, причиненныхъ пулями этого рода, весьма часто извлекаются вмѣстѣ съ осколками оболочки также и части взрывающаго приспособленія, какъ-то: стаканчикъ, ударникъ, капсуль и т. п. Кости, попадающіяся на пути пули, раздробляются на самыя мелкія части, а газы, развивающіеся при взрывѣ пули, оказываютъ губительное вліяніе на состояніе раны.

Дѣйствіе пуль второго типа, полуоболочечныхъ, основано также на проникающемъ всю природу законѣ инерціи. Дѣло въ томъ, что, при ударѣ пули въ какое-либо постороннее тѣло, хвостъ ея, по закону инерціи, продолжаетъ еще нѣкоторое время свое движеніе съ прежней скоростью въ то время, какъ головка уже потеряла нѣкоторую ея часть. При этомъ хвостъ, догоняя головку и какъ-бы наваливаясь на нее, стремится сплющить сердечникъ пули. Такимъ образомъ получается довольно значительный нажимъ сердечника на оболочку. Оболочка, если она цѣла и достаточно крѣпка, призвана, такъ сказать, принять на себя этотъ нажимъ, не подвергаясь при этомъ деформаціи.

Вполнѣ понятно, что если никкелевая оболочка недостаточно крѣпка, или если она умышленно нарушена, хотя-бы въ нѣкоторой своей части, она уже не можетъ выполнить своего назначенія, сердечникъ разворачиваетъ ее, деформируется самъ, и вся масса разорванной оболочки и деформированнаго свинца, прокладывая себѣ дорогу черезъ человѣческое тѣло, производятъ въ немъ ужасающія разрушенія.

Изъ приложенныхъ ниже чертежей видны подробности устройства различныхъ полуоболочечныхъ германскихъ и австрійскихъ пуль.

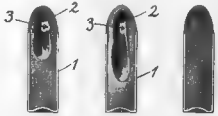
Чертежъ № 1 изображаетъ обыкновенную германскую остроконечную пулю, чертежъ № 2 — германскую пулю съ оболочкой, нарушенной двумя взрѣзами, параллельными оси, и чертежъ № 3 — ту-же пулю со срѣзанной у вершины конуса оболочкой.

На чертежахъ 5, 6 и 7 изображены австрійскія полуоболочечныя пули: чертежъ № 5 представляетъ наружный видъ патрона съ пулей, состоящей изъ никкелевой оболочки (1), недоходящей до конца пули, и свинцоваго сердечника (2). Чертежи №№ 6 и 7 изображаютъ два различ-

ныхъ образца этой пули въ разрѣзѣ. На чертежахъ 6 и 7 нумерація отдѣльныхъ частей пули

1. 2. 3. 4. 5

сохранена та-же, что и на чертежѣ №5. Внутри пули видны пустоты (3), назначеніе коихъ заключается въ томъ, чтобы ослабить сердечникъ и вызвать при ударѣ его бо́льшую деформацію, а, слѣдовательно, и болѣе грозное раненіе. Чертежъ № 8 изображаетъ пулю



6. 7. 8.

Вейса, состоящую изъ 4-хъ отдѣльныхъ частей. Названныя части изготовлены изъ мягкаго свинца, сильно деформируются при попаданіи и производятъ 4 отдѣльныхъ весьма пяжелыхъ раненія. На черт. № 4 представленъ австрійскій патронъ съ обыкновенной пулей.

Австрійскіе патроны съ собственно разрывными пулями получаются въ войскахъ уже вполнѣ готовыми для разрывного дѣйствія и отмѣчены темнымъ пояскомъна каждой гильзѣ.

Германскіе патроны съ разрывными пулями только въ нѣкоторой своей части изготовляются на патронныхъ заводахъ, а въ остальной—фабрикуются уже на театрѣ войны, въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ, гдѣ имѣются особые щипцы для скусыванія остраго угла конуса остроконечной пули и нарушенія такимъ образомъ, цѣлости никкелевой оболочки. Такихъ щипцовъ, отобранныхъ у врага, въ арміи теперь имѣется, вѣроятно, уже не мало, и я самъ видѣлъ таковые, если не ошибаюсь, въ 20-мъ или 21-мъ Туркестанскомъ стрѣлковомъ полку.

Раны, наносимыя разрывными пулями всѣхъ типовъ, производятъ потрясающее впечатлѣніе даже на человѣка, привыкшаго къ войнѣ и ея жестокому обиходу. Характерныя ихъ черты—это небольшое входное отверстіе (съ обожженными краями въ случаѣ раненія собственно разрывной пулей) и огромное выход-

ное съ рваными краями и неровной поверхностью изъязвленія.

Передо мною лежитъ исторія болѣзни одного изъ раненыхъ разрывной пулей, находящагося на излеченіи въ полевомъ запасномъ госпиталѣ. Въ ней стеклянным языкомъ протокола изображена одна изъ тѣхъ трагедій, которыхъ такъ много разсѣяно противникомъ.

Вотъ, что мы читаемъ въ этой исторіи болѣзни: «Рядовой 152 пѣхотнаго Владикавказскаго полка Маймузинъ Маймуловъ Сибилатулла. Раненъ 21 Мая 1915 года у Шавель разрывной ружейной пулей. Входное отверстіе въ лобной кости на 1 сантиметръ выше правой надбровной дуги. Діаметръ входного отверстія соотвѣтствуетъ діаметру ружейной пули. Выходное отверстіе представляетъ собой громадную развороченную рану въ области правой глазной впадины, правой скуловой кости и правой щеки. Правый глазъ и правая скуловая кость разрушены. Въ ранѣ обнаружены части взрывающаго механизма разрывной пули, а также значительное число мелкихъ костныхъ осколковъ и осколковъ, происшедшихъ отъ разрыва никкелевой оболочки пули».

Какъ просто и какъ мало сказано въ цитированной части исторіи болѣзни... Но объ ужасѣ, который скрывается за этими простыми словами, нельзя догадаться... О размѣрѣ его можетъ знать только тотъ, кто своими глазами видѣлъ, какъ выглядитъ голова человѣка, которой нанесена «громадная развороченная рана», при чемъ «правый глазъ и правая скуловая кость разрушены».

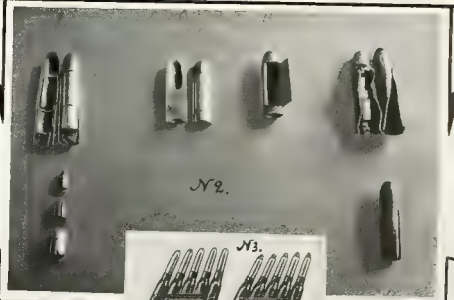
. . . . . .

Мнѣ почему-то часто вспоминается одна мимолетная встрѣча...

Онъ — германскій лейтенантъ, взятый въ плѣнъ въ одномъ изъ ночныхъ боевъ... Высокій, тощій, чрезвычайно истомленный, съ остановившимися глазами, въ которыхъ свѣтилось что-то отъ потухающей жизни... Онъ, очевидно, былъ боленъ той страшной болѣзнью, которая, увы, столь часто встрѣчалась въ то время (теперь этого нѣтъ) среди всѣхъ категорій чиновъ германской арміи: цинизмомъ и наглой беззастѣнчивостью... Съ упорствомъ маніака доказывая не только допустимость, но и необходимость совершаемыхъ противникомъ звѣрствъ, онъ сказалъ, между прочимъ, что Германія, надо думать, останется въ текущей войнѣ побѣдительницей, а побѣдителей не судятъ...

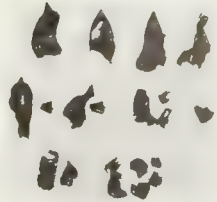
Я не стану останавливаться на моральной мерзости этого заявленія, но я не могу не высказать глубочайшаго своего убѣжденія, раздѣляемаго, вѣроятно, всѣмъ цивилизованнымъ человѣчествомъ, въ томъ, что народъ, исповѣдующій «такой» символъ вѣры, недостоинъ побѣды и въ конечномъ счетѣ не можетъ и не будетъ имѣть ея...

№1

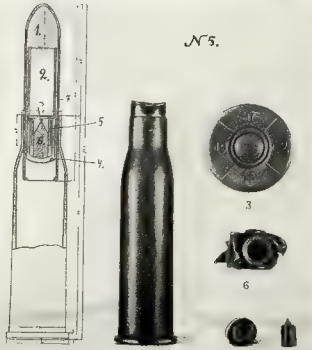


№2.

№3.

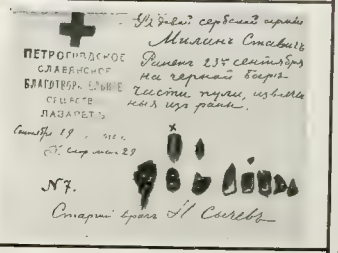


№4.



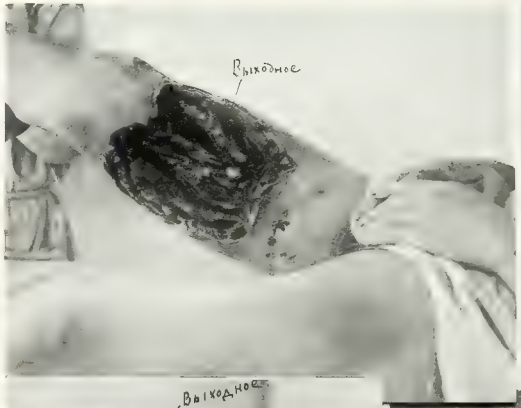
№5.

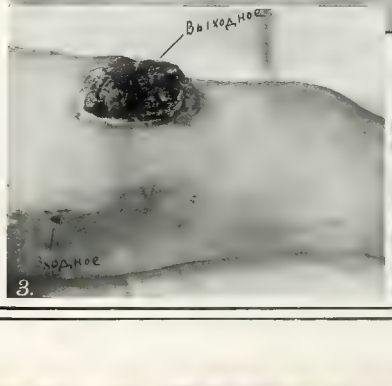
№6.

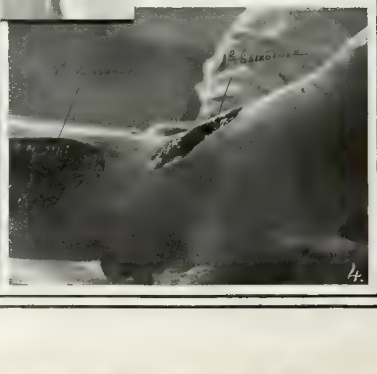


Разрывныя пули. 1. Части разрывной пули, вынутыя изъ тѣла раненаго. 2. Австрійскія разрывныя и полуоболочечныя (думъ-думъ) пули въ разрѣзѣ. 3. Лѣвая обойма—содержитъ обыкновенныя австрійскія пули, а правая полуоболочечныя (думъ-думъ) съ срѣзанной верхней частью оболочки. 4. Части оболочки германской разрывной пули, вынутыя изъ тѣла. 5. 1) Австрійскій патронъ съ разрывной пулей въ разрѣзѣ (см. текстъ). 2) Гильза. 3) Гильза—видъ снизу, гдѣ имѣется дата 1912 годъ и австрійскій государственный гербъ. 4, 5 и 6) Части взрывающаго механизма (см. текстъ). 6. Части австрійской разрывной пули, вынутыя изъ тѣла раненаго. На снимкѣ видны также части взрывающаго приспособленія. 7. Одинъ изъ страшныхъ документовъ

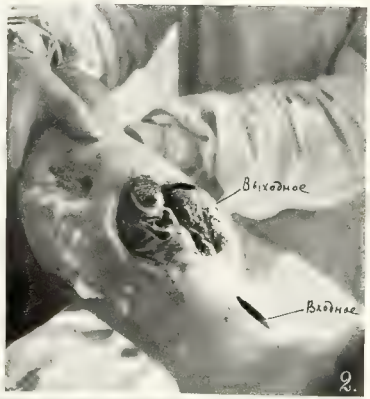
Разрывныя пули. 1. Рядовой 152 пѣх. Владикавказскаго полка Сибилатулла Маймузинъ, раненъ разрывной пулей у Ш 21 Мая 1915 г. 2. Рядовой 32 Сибирск. стр. полка Петровъ, раненый въ обѣ ноги одной разрывной пулей 3. Рядовой Иванъ Михѣевъ; ранение разрывной пулей, сопровождавшееся столбнякомъ. 4. Рядовой Черноморск. полка Алексѣй Солодкій, раненый въ ногу германской разрывной пулей 21-го Мая 1915 г.

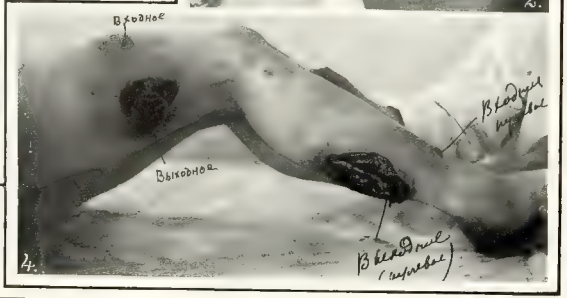




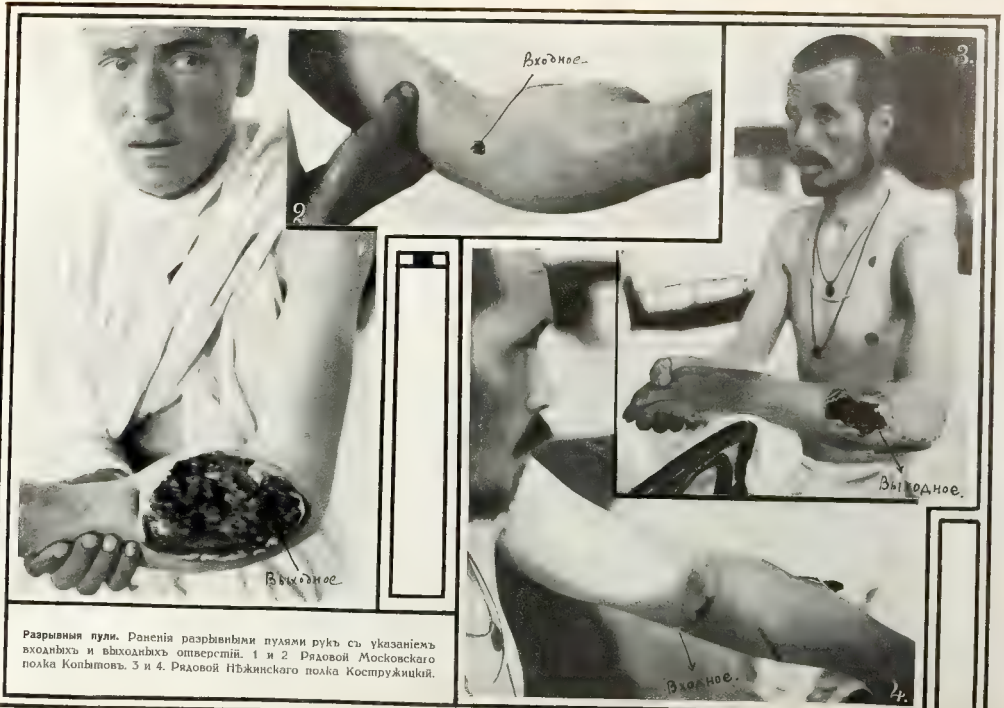


Разрывныя пули. 1. Рядовой 225 пѣх. Аккерманскаго полка Новиковъ Страшное ранение ноги разрывной пулей 2. Ранение ноги 2-мя разрывными пулями. 3. Рядовой 103 пѣх. Петрозаводскаго полка Демин Раненъ разрывной пулей 14 Февр. 1915 г. 4. Ранение ноги разрывной пулей съ 2-мя рваными выходными отверстіями



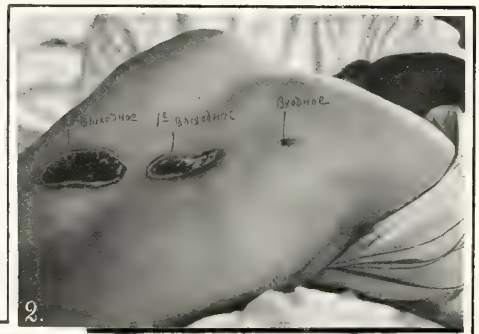


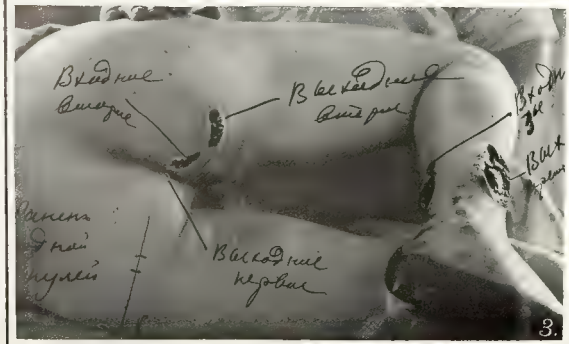
Разрывныя пули. 1. Рядов. Очаковскаго полка Попковъ. Раненіе ноги. Галиція 30 Мая 1915 г. 2. Рядов. Аккерманскаго полка Шамшутдиновъ. Раненіе ноги. 3. Рядовой Михайловъ. Раненіе ноги. 4. Ряд. Красноярскаго полка Стрѣлковъ. Раненіе правой ноги двумя разрывными пулями.

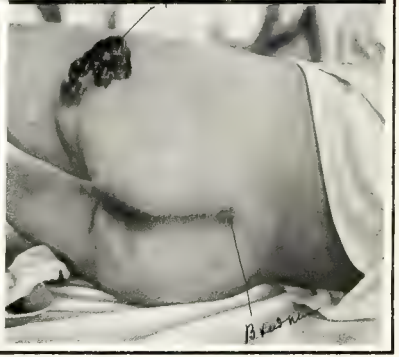


Разрывныя пули. Ранения разрывными пулями рукъ съ указаніемъ входныхъ и выходныхъ отверстій. 1 и 2 Рядовой Московскаго полка Копытовъ. 3 и 4. Рядовой НѢжинскаго полка Костружицкій.

Разрывныя пули. 1. Ряд. 65 пѣх. Московскаго п. Крезо. Ранение спины разрывной пулей. 2. Ранение одной разрывной пулей съ входнымъ и 2 мя выходными отверстиями. 3. Ряд. 36 пѣх. Тобольскаго п. Шапиро. Ужасное ранение полуоболочечной пулей съ 3-мя входными и 3-мя выходными отверстиями. 4. Ряд. Гвардейскаго п. Исаевъ. Ранение разрывной пулей 8 Мая 1915 г.







ДРАГУНЪ НОВОРОССІЙСКАГО ПОЛКА БРИТВИНЪ

На дворѣ—самое начало весны...

Всюду слышится металлическій звонъ первыхъ вешнихъ струй, и въ воздухѣ впервые протягиваются мягкія нити какихъ-то теплыхъ весеннихъ дыханій...

Небо, вмѣстѣ съ невидимымъ солнцемъ, тихо улыбается сквозь пелену сѣрыхъ, какъ будто спѣшащихъ куда-то, облаковъ.

Черная и блестящая поверхность земли покрыта огромными заплатами талаго снѣга, мѣстами еще дѣвственно чистаго, а мѣстами неровно-грязнаго и побурѣвшаго.

Въ саду, окружающемъ домъ, занимаемый штабомъ, робко и неувѣренно звучатъ тихія птичьи трели, начало торжественнаго гимна веснѣ...

Въ штабѣ идетъ спокойная и дѣловитая суета. Здѣсь наблюдается то же, что и въ каждомъ отдѣльномъ человѣческомъ организмѣ. Центры мысли и воли, или, вѣрнѣе, центры воли и мысли, регулирующіе жизнь болѣе или менѣе значительнаго цѣлаго, находятся въ состояніи постоянной работы и никогда не утихающаго напряженія.

Телефонъ поминутно приноситъ въ штабъ и уноситъ изъ него туда, откуда слышится рокочущій разговоръ боя, небольшіе листки бумаги, въ трепетныхъ строкахъ которыхъ дрожитъ столько страшныхъ возможностей...

Въ комнату входитъ вѣстовой и мнется:

— Ваше Высокоблагородіе. Дозвольте доложить... Привезли солдата безъ живота и безъ...—и онъ сконфуженно умолкаетъ.

— И безъ чего? Ну!?

Вѣстовой переступаетъ съ ноги на ногу, и на лицѣ его появляется выраженіе мучитель-

ной мысли, очевидно, ищущей и не находящей подходящаго выраженія. Онъ продолжаетъ молчать.

— Ну, безъ чего-же? Говори скорѣй!.. Долго еще прикажешь ждать?

Вѣстовой молчитъ еще нѣкоторое время, и потомъ съ такимъ видомъ, будто онъ бросается въ бездонную пропасть, рѣшительно и по своему докладываетъ о томъ, «безъ чего» привезли несчастнаго нижняго чина.

Мы всѣ тревожно и недоумѣвающе переглядываемся и выходимъ во дворъ.

Посреди двора, нѣсколько правѣе линіи штабныхъ двуколокъ, въ сколзкой грязи стоятъ сани, запряженныя парой лошадей. Къ кузову и полозьямъ саней крѣпко прилипли комья талаго снѣга, напоминающіе объ ушедшей зимѣ. Сытыя обозныя лошади стоятъ врозь и понуро, съ широко разставленными ногами, какъ-бы догадываясь объ ужасѣ, распластанномъ на привезенныхъ ими саняхъ.

Въ саняхъ, поперекъ ихъ, лежитъ что-то странное и длинное, покрытое сѣрой шинелью, изъ-подъ которой торчатъ однѣ только закостенѣвшія ноги въ теплыхъ носкахъ...

Приподнимаемъ шинель...

Въ самой глубинѣ души вдругъ становится такъ скверно, какъ будто къ ней прикоснулось ядовитое жало змѣи.

Молодая голова съ лицомъ, изуродованнымъ рукой мучительной смерти, откинута назадъ и свѣшивается съ саней.

На лицѣ, на рукахъ и на истерзанномъ тѣлѣ бродятъ уже неровныя, сѣро-синія пятна, страшная печать разложенія. На рукахъ—рядъ глубокихъ надрѣзовъ, причиненныхъ, очевидно, тупымъ ножемъ, штыкомъ, или, быть можетъ, зазубренной саблей. Вмѣсто живота кровавая пропасть съ вывалившимися наружу внутренностями.

Но и это еще не все...

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ были половые органы несчастнаго—глубокая дыра съ изъязвленными краями...

По рядамъ людей, обступившихъ сани съ трупомъ, пролетаетъ глухой ропотъ возмущенія:

— Душегубы... Убивцы... Мучители...

— Не пройдетъ вамъ это даромъ...

— Грѣхъ-то какой, прости Господи... Подумать только... Человѣкъ человѣку... и вдругъ «такое» сдѣлалъ...

Я тотчасъ ушелъ...

Зачѣмъ быть рядомъ съ ужасомъ дольше одного мгновенья? Вѣдь, и мгновенья достаточно для того, чтобы онъ запечатлѣлся въ душѣ неизгладимыми знаками, которые всю жизнь будутъ звучать призывомъ къ расплатѣ.

Въ штабъ было доставлено дознаніе, произведенное по поводу кошмарнаго дѣла, а также привезенъ трупъ несчастнаго, оставшійся въ нашихъ рукахъ послѣ отхода нѣмецкихъ разъѣздовъ.

Ниже я помѣщаю выписки изъ этого дознанія, которыя въ настоящее время могутъ быть оглашены въ печати:

Дознаніе: по дѣлу объ изуродованіи чинами германской арміи тѣла драгуна эскадрона ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, 3-го Драгунскаго Новороссійскаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини ЕЛЕНЫ ВЛАДИМІРОВНЫ полка — *Бритвина.*

Бритвинъ, Афанасій Алексѣевичъ, происходитъ изъ крестьянъ Вятской губ., Орловскаго уѣзда, Коврижской волости, деревни Зайцы.

Вслѣдствіе устнаго приказанія временно Командующаго 3-мъ Драгунскимъ Новороссійскимъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини ЕЛЕНЫ ВЛАДИМІРОВНЫ полкомъ—мною произведено дознаніе по дѣлу объ изуродованіи нѣмцами трупа драгуна эскадрона ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА, 3-го Драгунскаго Новороссійскаго полка, Бритвина, при чемъ оказалось слѣдующее:

1) Опрошенный мною. . . . . 1915 года младшій офицеръ эскадрона ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА, того-же полка, корнетъ фонъ Траутфеттеръ, Павелъ Эрнестовичъ, вѣроисповѣданія Евангелическо-Лютеранскаго, 26 лѣтъ, показалъ:

— «Я временно командовалъ эскадрономъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА. 7-го Марта 1915 года мой эскадронъ былъ разосланъ въ разъѣзды, и при мнѣ остался лишь первый взводъ. Командиръ полка приказалъ мнѣ отправиться въ разъѣздъ съ этимъ взводомъ, указавъ направленіе развѣдки. Я съ разъѣздомъ двинулся въ путь. При наступленіи темноты, дойдя до конечнаго пункта, я рѣшилъ заночевать, въ виду темноты и сильной вьюги, выбравъ для ночлега деревню Аукштакальке. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня я былъ разбуженъ подчаскомъ, который доложилъ мнѣ, что постомъ замѣчены 2 нѣмецкихъ всадника, двигающихся въ нашемъ направленіи. Для того, чтобы выяснить обстановку, я отправилъ двухъ или трехъ (точно не помню) конныхъ людей, въ томъ числѣ и драгуна Бритвина, на встрѣчу показавшимся нѣмецкимъ всадникамъ. Люди мои поѣхали отъ крайней избы, гдѣ я ночевалъ, вдоль по улицѣ деревни. Подъѣзжая къ противоположной окраинѣ деревни, они были обстрѣляны съ близкаго разстоянія. Однимъ изъ этихъ выстрѣловъ былъ легко раненъ пулей драгунъ Бритвинъ, который и свалился съ лошади. Второй дозорный, драгунъ Егоринъ, прискакалъ ко мнѣ съ донесеніемъ. Я отошелъ съ

разъѣздомъ изъ деревни къ отдѣльному хутору, находящемуся въ полуверстѣ за деревней, откуда послалъ людей узнать, нельзя-ли вывезти Бритвина. Такъ какъ противъ меня было болѣе эскадрона, то выручить его оказалось невозможнымъ. Тогда дозорный поручилъ мѣстному жителю подробно узнать о томъ, что случилось съ Бритвинымъ, и, если возможно, выручить его изъ бѣды. Черезъ нѣкоторое время мѣстные жители прибѣжали обратно и сообщили моему дозорному, что нѣмцы, затащивъ Бритвина въ избу, взрѣзали ему животъ и руки, а также вырѣзали половые органы. Простоявъ съ разъѣздомъ около получаса и видя, что ничѣмъ не могу помочь несчастному, я вернулся и присоединился къ полку.

Подпись: Корнетъ *Траутфеттеръ*.

2) Опрошенный мною .... 1915 года драгунъ 1-го взвода эскадрона ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, 3-го Драгунскаго Новороссійскаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини ЕЛЕНЫ ВЛАДИМІРОВНЫ полка,—*Егоринъ* *), Василій Степановичъ, срока службы .... года, Православнаго вѣроисповѣданія, изъ крестьянъ Слободского уѣзда, Вятской губ., ... лѣтъ отъ роду, показалъ:

*) Показания драгунъ Егорина и Гурджіева изложены въ формѣ, нѣсколько грѣшащей противъ стиля, но это обстоятельство обусловлено основнымъ требованіемъ, предъявляемымъ ко всякому дознанію: оно должно возможно точнѣе воспроизвести не только мысли дающаго показаніе, но и способъ ихъ выраженія

— «7-го Марта 1915 года, разъѣздъ изъ перваго взвода нашего эскадрона заѣхалъ въ деревню, названія которой не помню. Разъѣздъ осмотрѣлъ деревню, но противника въ ней не оказалось. Рѣшено было ночевать въ деревнѣ. Часовой съ подчаскомъ былъ поставленъ на дорогѣ, у окраины деревни, мы же находились въ хатѣ. Когда начало свѣтать, часовой доложилъ, что ѣдетъ нѣмецъ. Онъ хотѣлъ въ него стрѣлять, но не поспѣлъ. Тогда взводный назначилъ трехъ человѣкъ узнать, есть-ли въ деревнѣ нѣмцы и сколько ихъ. Назначилъ онъ меня, Малыгина и Бритвина. Мы сѣли на коней и поѣхали. Немного отъѣхавши, мы начали рѣшать, кому какъ лучше ѣхать. Бритвинъ поѣхалъ прямо къ деревнѣ, я поѣхалъ вправо, Малыгинъ же поѣхалъ влѣво, за деревней. Какъ только я заѣхалъ за сарай, въ концѣ деревни раздался выстрѣлъ.

Я повернулъ коня, и увидѣлъ, что лошадь Бритвина бѣжитъ одна, Бритвина же самого нѣтъ. Я съ Малыгинымъ подъѣхали къ Его Благородію, корнету Траутфеттеру, и доложили ему обо всемъ. Корнетъ послали двухъ человѣкъ узнать, что случилось съ Бритвинымъ, убитъ онъ или раненъ. Поѣхали Крѣпкій и еще одинъ драгунъ, но кто именно—не помню. Крѣпкій вернулся черезъ полчаса и доложилъ о томъ, что жители ему разсказали, будто нѣмцы затянули Бритвина въ хату,

Драгунъ Новороссійскаго полка Бритвинъ.

сняли съ него сапоги, раздѣли, изрѣзали ему животъ и руки, а также отрѣзали половыя части».

Подпись: *Егоринъ.*

3) Опрошенный мною . . . . . 1915 года драгунъ 1-го взвода эскадрона ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Гурджіевъ, Хачатуръ Кеворковъ, срока службы . . . года, вѣроисповѣданія Армяно-Грегоріанскаго, изъ крестьянъ Эриванской губ., . . . лѣтъ отъ роду, показалъ:

— «7-го Марта 1915 года мы подъѣхали къ деревнѣ (названія ея не помню), въ которой мы и ночевали. Были назначены часовой и подчасокъ. Часовымъ былъ я, а подчаскомъ Абатуровъ. Вдругъ показался нѣмецкій дозоръ. Я доложилъ объ этомъ взводному. Взводный вышелъ и сказалъ: «Нѣтъ, это не нѣмцы, это, вѣроятно, нашъ дозоръ, такъ какъ лѣвѣе насъ былъ . . . эскадронъ».

Я хотѣлъ стрѣлять по этому дозору, но взводный сказалъ: «не стрѣляй».

Когда этотъ дозоръ увидалъ насъ, онъ скрылся. Корнетъ Траутфеттеръ послали 3-хъ человѣкъ узнать, что это былъ за дозоръ. Они поѣхали, и нѣмцы ихъ обстрѣляли. Двое отошли и воротились назадъ, а Бритвинъ упалъ съ лошади, при чемъ лошадь его прибѣжала къ намъ, и мы ее поймали. Послѣ этого мы отъѣхали отъ деревни, остановились, и Ихъ Благородіе послали 3-хъ человѣкъ узнать объ участи Бритвина. Посланные подъѣхали къ окраинѣ деревни, и здѣсь жители сказали имъ: «Вашего солдата, котораго взяли въ плѣнъ нѣмцы, они внесли въ хату, отрѣзали ему руку, половыя части и взрѣзали животъ». Послѣ этого разъѣздъ возвратился въ свой полкъ».

Подпись: *Гурджіевъ.*

Не правда-ли, какъ просто и какъ безконечно сложно въ одно и то-же время все, происшедшее въ закоптѣлой избѣ невѣдомой деревушки, на зарѣ весны 1915 года?

Просто—съ точки зрѣнія строго механической: взяли и изрѣзали на куски живого человѣка...

Больше, вѣдь, собственно, ничего не случилось...

Но какими темными задворками души должна идти психика человѣка, чтобы заставить его взять ножъ и совершить это кровавое дѣло!!!

Страшно подумать, что руками, державшими роковой ножъ, этотъ человѣкъ будетъ когда-то, быть можетъ, креститься, обнимать свою милую и ласкать дѣтей...

Впрочемъ, вѣдь молятся, любятъ и ласкаютъ только люди...

Я сидѣлъ у ксендза *), настоятеля костела села Рахане, Томашовскаго уѣзда, Холмской губерніи. Онъ только-что возвратился изъ одной изъ сосѣднихъ деревень, куда былъ приглашенъ на похороны. Нѣсколько усталый и потрясенный хотя и привычной, но все-же тягостной обстановкой обряда погребенія, около котораго неизбѣжно текутъ неутѣшныя слезы, онъ смотрѣлъ на меня большими, грустными и очень красивыми глазами не то аскета, не то очень умнаго человѣка и разсказывалъ. О чемъ? Конечно, о войнѣ, о ея превратностяхъ, а, главное, о всемъ томъ тяжеломъ и оскорбительномъ, что было пережито имъ въ небольшомъ, затерявшемся среди зеленыхъ холмовъ, селѣ. Еще не старый, онъ велъ разсказъ въ пониженныхъ тонахъ человѣка, который изжилъ все лучшее своей жизни, послѣднія впечатлѣнія коей уже настолько тягостны, что сама жизнь послѣ нихъ теряетъ и всякій смыслъ и всякую цѣну. Нервная разбитость, усталость жить—сквозили въ каждомъ словѣ его повѣствованія, которое эпическимъ спокойствіемъ изложенія, какой-то фаталистической ровностью его производило потрясающее впечатлѣніе на слушателя.

Вы только представьте себѣ на мгновеніе человѣка, еще не стараго, священнослужителя, который разсказываетъ о самомъ катастрофическомъ въ своей жизни: о личныхъ истязаніяхъ, которымъ онъ подвергся, не взирая на санъ, о кощунственномъ осквернении храма, видѣвшаго до того времени только молитвенно склоненныхъ передъ собой людей, разсказываетъ о сожженіи почти всего его прихода, о разстрѣлѣ на его глазахъ сотни женщинъ и дѣтей,—при чемъ ведетъ разсказъ такъ, какъ будто это было безконечно давно и случилось не съ нимъ, а съ кѣмъ-то другимъ, далекимъ и незнакомымъ... Окаменѣлое лицо не выдаетъ ни одного ощущенія... Голосъ звучитъ ровно и мѣрно, какъ голосъ монахини, читающей всю ночь священную книгу надъ дорогимъ покойникомъ... Однимъ словомъ, передъ вами не живой человѣкъ, а фантомъ, не теплое, выразительное, подвижное человѣческое лицо, а маска... Временами вамъ все происходящее кажется сномъ... Вы трогаете свои руки, уши, повѣряя свои ощущенія, и, наконецъ, убѣждаетесь, что вы не спите, что передъ вами течетъ дѣйствительная жизнь, быть можетъ, однако, болѣе тяжкая, чѣмъ сама смерть.

«Наши страданія», говорилъ ксендзъ, «начались тотчасъ послѣ прихода непріятельскихъ войскъ, которыя наполнили нашу тихую до того жизнь внезапно и непоправимо цѣлымъ моремъ ужаса. Я не буду говорить уже о себѣ.

*) Фамилія его Франкъ

С. Рахане, Томаш. уѣзда 1. Входъ въ погребъ, куда загнали женщинъ и дѣтей и гдѣ было произведено имъ избіеніе. 2. Видъ части сожженнаго села. 3 Сохранившія церковныя постройки 4. Разрушенная часть погреба, гдѣ было произведено избіеніе женщинъ и дѣтей

Я всегда въ жизни ощущалъ въ себѣ присутствіе какого-то страннаго чувства, настойчиво требовавшаго отъ меня дѣятельной вѣры, дѣятельной любви, быть можетъ, подвига. Этотъ подвигъ и былъ, вѣроятно, ниспосланъ мнѣ Провидѣніемъ Всеблагого Господа Нашего въ видѣ тѣхъ мученій, которымъ меня подвергъ противникъ. Я принимаю ихъ радостно, скорбя не о себѣ, а только объ одичавшихъ душахъ вражескихъ солдатъ, угасившихъ въ себѣ Божественный Образъ. Меня били, я терпѣлъ побои, молча и творя молитву. Меня ограбили, я не горевалъ, зная, что я гость на землѣ, и что если Господу Богу угодно было одинъ разъ дать мнѣ все то, что у меня было, то Онъ можетъ сдѣлать это и еще разъ. Меня гнали бѣгомъ 11 верстъ въ Томашовъ, я бѣжалъ, задыхался, падалъ, вставалъ, для того, чтобы снова падать и снова бѣжать. Падая, я вспоминалъ каждый разъ крестный путь Спасителя на Голгоѳу и находилъ въ себѣ силу вставать и снова молча переносить дальнѣйшія мученія. Меня заставляли выпивать подрядъ по 30 и 40 полныхъ стакановъ воды для доказательства того, что она не отравлена. Я пилъ до тошноты, до страшнаго ощущенія, что внутренности мои вотъ-вотъ не выдержатъ скопившейся въ нихъ влаги и разорвутся. Я выбѣгалъ за уголъ дома, выбрасывалъ спазматическимъ процессомъ черезъ ротъ выпитую воду, дѣйствовавшую на меня, какъ рвотное, и немедленно возвращался снова, чтобы опять пить, пить и пить... Все это я прощаю врагу искренно и отъ всей души, ибо творилъ онъ все это, не вѣдая, а просто забывъ на время, что я человѣкъ, и что мнѣ тоже можетъ быть, какъ и ему, больно, и тоскливо, и оскорбительно...

Но что мнѣ труднѣе простить врагу—это все то, что онъ совершилъ въ Божьемъ Домѣ, который для меня въ жизни до сихъ поръ представляялъ все, а также то, что онъ сдѣлалъ съ крестьянами моего прихода. Пусть бы онъ ограничился сожженіемъ церковныхъ построекъ, находящихся въ оградѣ храма, которыя хотя и состоятъ подъ покровительствомъ Божьяго Обиталища, но все-же не являются Домомъ Божіимъ. Но кому, кромѣ звѣря, можетъ прійти въ голову мыслъ объ обращеніи самаго храма, въ его наиболѣе священныхъ уголкахъ, въ кухню? Кто рѣшится рубить дрова на... просто страшно сказать на чемъ... на священномъ престолѣ Великаго Алтаря? Кто рѣшится наполнить весь храмъ отбросами кухни, а въ углахъ и отбросами изверговъ, которые полѣнились для этого даже выйти изъ храма «чужого» Бога?..

Съ разграбленіемъ храма я примирился нѣсколько легче, чѣмъ съ его осквернe-

С. Рахане, Томаш. уѣзда.

1. Старинный барский домъ въ усадьбѣ помѣщика Белдовскаго. Разграбленъ Сожженъ. 2. Все, что осталось отъ усадьбы помѣщика Голембіовскаго 3. Погребъ, гдѣ принужденъ былъ жить помѣщикъ Голембіовскій

ніемъ. Я, по крайней мѣрѣ, не видѣлъ своими глазами того, что сдѣлано врагомъ съ похищенными священными предметами, и считаюсь только съ фактомъ ихъ кощунственнаго исчезновенія. Но осквернение храма, слѣды котораго меня жгутъ до сихъ поръ, я пережилъ очень тяжело...

Что касается ужасовъ, пережитыхъ крестьянами села Рахане и, вообще, моего прихода, то я о немъ тоже никогда не забуду, какъ о самомъ ужасномъ впечатлѣніи моей жизни, и безъ того достаточно безрадостной. Прежде всего деревня, конечно, была ограблена до нитки. О неизбѣжности этого мы были заранѣе предупреждены, къ нему приготовились и отнеслись поэтому съ фаталистическимъ спокойствіемъ. Чему быть, говорятъ, того не миновать.

Далѣе врагомъ почти вся деревня, если не ошибаюсь, свыше 150 усадебъ, была сожжена. Это было уже тяжелѣе перенесть, ибо сотни людей, въ томъ числѣ больные, женщины, дѣти и старики, остались безъ крова, и все имущество ихъ, уцѣлѣвшее послѣ грабежа, погибло въ огнѣ. Скотъ, не взятый противникомъ для походныхъ кухонь, также погибъ, такъ какъ его строжайше воспрещалось выводить изъ горѣвшихъ сараевъ.

Врагу, однако, всего этого было мало. Онъ подъ конвоемъ солдатъ отправилъ все населеніе деревни безъ всякихъ исключеній — замѣтьте, безъ всякихъ исключеній—это значитъ даже вмѣстѣ съ умирающими, которые еще не перестали дышать—въ Томашовъ, гдѣ держалъ ихъ около 6 дней безъ всякой пищи. Женщины при этомъ, не взирая на возрастъ, подвергались гнусному и массовому изнасилованію. При малѣйшемъ сопротивленіи, иногда, простомъ возраженіи, людей били кулаками, каблуками сапогъ, прикладами, кололи штыками, вязали имъ веревкой и проволокой руки до крови, грозили разстрѣломъ и инсценировали его до заряжанія винтовокъ включительно, послѣ чего полумертвую отъ ужаса жертву съ хохотомъ освобождали, говоря, что разстрѣлъ отложенъ, по приказанію начальства, на 4 часа. Отступая, они взяли съ собой 15 человѣкъ, и судьба ихъ никому неизвѣстна.

Но самое ужасное, что совершено врагомъ, произошло въ усадьбѣ одного изъ двухъ помѣщиковъ села Раханé—Белдовскаго. Я покажу вамъ эту страшную усадьбу, въ погребѣ которой, гонимые трепетомъ передъ несущими смерть бандами противника, забились женщины и дѣти села, и гдѣ они были разстрѣливаемы черезъ всѣ отверстія, куда только можно было вставить стволъ винтовки: черезъ главныя двери, черезъ отдушины, черезъ небольшія оконца въ насыпи. Вы представьте

себѣ только, что должно было твориться въ этомъ комѣ изъ женскихъ и дѣтскихъ тѣлъ, сбитомъ въ небольшомъ погребѣ, когда былъ открытъ частый огонь, несшій съ собой страшную смерть въ сыромъ подземельѣ. Результаты разстрѣла оказались подавляющими. Было тяжело ранено 71 женщина и ребенокъ и убито 18.

Я видѣлъ ихъ всѣхъ — неподвижныхъ, мертвенно блѣдныхъ и окровавленныхъ, скованныхъ уже роковой рукой смерти. У ногъ ихъ ползали осиротѣвшія крошки, искавшія груди... Я видѣлъ истекавшія кровью тѣла, еще живыя, корчившіяся и стонавшія... Я-же, полумертвый отъ всего пережитаго, проводилъ съ молитвой безвременно погибшихъ въ мѣсто ихъ вѣчнаго упокоенія. Вотъ, въ немногихъ словахъ то, что я перенесъ въ нѣсколько дней вражескаго нашествія. Я молю Всевышняго, чтобы онъ отпустилъ жестокимъ душамъ солдатъ содѣянное ими злое дѣло, я-же съ своей стороны уже простилъ ихъ».

Потрясенный этимъ страшнымъ въ своей простотѣ разсказомъ, я вышелъ съ ксендзомъ въ село, чтобы осмотрѣть усадьбу помѣщика Белдовскаго, въ погребѣ которой врагомъ была принесена, въ жертву его инстинктамъ страшная гекатомба.

Вдоль ряда пожарищъ, расположенныхъ на прелестномъ зеленомъ скатѣ горы, составляющемъ такой разительный контрастъ съ мрачными и черными остатками усадебъ, мы спустились въ долину, влажную, сочную, усѣянную полевыми цвѣтами, и, поднявшись на противоположный склонъ, достигли усадьбы, скрытой любовно обступившимъ ее паркомъ. Усадьба разграблена и потомъ сожжена. Только погребъ, гдѣ произошло убійство несчастныхъ, остался нетронутымъ въ нѣкоторой своей части и глядитъ выбитыми дверями и окнами. Ксендзъ, подойдя къ нему, тяжко вздохнулъ, перекрестился, и въ его умныхъ, еще молодыхъ, но уже усталыхъ, глазахъ показались слезы. Онъ отвернулся и отошелъ въ сторону. Овладѣвъ собой, онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть еще одну усадьбу помѣщика Голембіовскаго, находящуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ той, въ которой мы находились. Я, конечно, согласился.

«Вотъ она», сказалъ ксендзъ, когда мы свернули немного съ дороги и вышли на открытое, наполненное, на первый взглядъ, только голубымъ воздухомъ весны, мѣсто.

«Здѣсь былъ домъ, здѣсь конюшни, здѣсь коровникъ, здѣсь сараи для склада хлѣба, здѣсь домъ для служащихъ», тихо разсказывалъ ксендзъ, водя меня по кучамъ золы, вздымавшей подъ нашими ногами столбы ѣдкой пыли.

«А вотъ здѣсь—нынѣшняя квартира помѣщика Голембіовскаго», сказалъ онъ, показывая на черную дыру въ землѣ, похожую на входъ въ нору огромнаго крота.

«Пане Голембіовскій», позвалъ онъ, подойдя къ дырѣ. Изъ норы боязливо и робко выглянуло человѣческое существо, которое, увидавъ знакомую фигуру духовнаго отца, нѣсколько пріободрилось, улыбнулось какъ-то грустно и криво и вылѣзло, наконецъ, совершенно. Меня сразу-же поразило изуродованное лицо Голембіовскаго. Глазъ подбитъ, на щекахъ и шеѣ подозрительные застарѣлые, видимо оставшіеся на-вѣки, кровоподтеки, все лицо какъ-то искривлено.

Какъ-бы угадывая мою мысль, ксендзъ торопливо, показывая этимъ нежелательность какихъ-либо дальнѣйшихъ разспросовъ, очевидно, оченьболѣзненнодѣйствующихънанесчастнаго, бросилъ: «Это съ паномъ Голембіовскимъ сдѣлалъ врагъ. Его страшно били до обмороковъ. Отливали водой и снова били. Въ этой норѣ, за неимѣніемъ другого помѣщенія, панъ жилъ всю осень, зиму и нынѣшнюю весну».

Панъ Голембіовскій, когда-то богатый человѣкъ, стоялъ, растерянно разставивъ ноги, и, краснѣя отъ стыда и ужаса, говорилъ: «Да, да, это правда».

Но подумайте только, господа, какая кошмарная, какая страшная правда...

Главный врачъ одного изъ Варшавскихъ госпиталей ввелъ меня въ очень длинную, свѣтлую и чистую, какъ платье невѣсты, палату. Направо и налѣво стоятъ въ два ряда кровати, на которыхъ лежатъ, мечутся, хрипятъ, ловятъ запекшимися губами воздухъ, нехватающій пораженнымъ легкимъ, стонутъ, судорожно просятъ подушекъ съ кислородомъ и тихо умираютъ «они», все «они»—милые, дорогіе сѣрые герои.

Въ палатѣ лежатъ только отравленные ядовитыми газами. Боже мой, сколько ихъ... Идешь, идешь, а направо и налѣво все тянется двойной рядъ кроватей съ страдающими тѣлами людей. Среди нихъ много больныхъ съ багрово-синимъ цвѣтомъ лица, характернымъ для пораженныхъ этимъ «боевымъ» средствомъ врага, нашепталнымъ ему самимъ адомъ. Многіе больные жадно дышатъ кислородомъ изъ сѣрыхъ подушекъ, вдыхая его судорожно раскрытымъ ртомъ и цѣпляясь за нихъ дрожащими руками, когда настаетъ время прекратить вдыханіе... У нѣкоторыхъ на груди стоятъ банки — десятки небольшихъ стеклянныхъ колпачковъ, сквозь прозрачныя стѣнки которыхъ виднѣется энергично втянутая въ нихъ человѣческая кожа... Всюду заботливо склоненныя фигуры сестеръ милосердія въ снѣжно-бѣлыхъ халатахъ, однѣ изъ которыхъ зажигаютъ крошечные фитильки, а другія, ставя банки, сжигаютъ этими фитильками кислородъ заключеннаго въ объемѣ банки воздуха, уменьшая тѣмъ его давленіе и обезпечивая, такимъ образомъ, дѣйствіе этого простого и спасительнаго средства.

Ядовитые газы, какъ средство борьбы, категорически воспрещено декларацiями Гаагской конференціи, вынесенными 29 Іюля 1899 г. Характернымъ является заявленіе одного изъ участниковъ конференціи, французскаго юриста Вильбуа-де-Парни, который по окончаніи выработки декларацiи воскликнулъ: «Конференція сдѣлала все, предвидѣвъ даже такія злодѣянія, на какія больше не способенъ ни одинъ народъ въ мірѣ». Декларація подписана также и представителемъ Германіи, но въ данный моментъ попирается ею со свойственнымъ только ей одной безстыдствомъ, такъ какъ является не болѣе, какъ «клочкомъ бумаги», не стоящимъ лучшей участи, чѣмъ быть растоптаннымъ смрадной ногой, обутой въ сапогъ нѣмецкаго солдата.

Способъ употребленія ядовитаго газа на полѣ боя слишкомъ хорошо, хотя и въ общихъ чертахъ, извѣстенъ широкимъ кругамъ общества для того, чтобы на немъ стоило останавливаться. Для успѣха операціи необходимъ лишь вѣтеръ, дующій отъ непріятельскихъ окоповъ къ нашимъ, и достаточное количество самаго газа, изготовляемаго на особыхъ

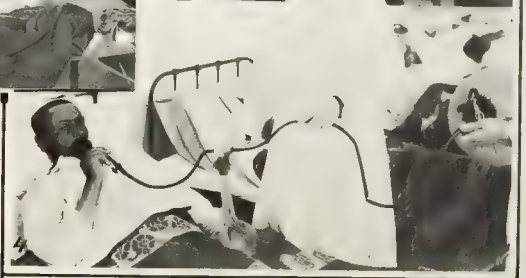
заводахъ и подвозимаго въ непріятельскіе окопы въ металлическихъ баллонахъ, гдѣ онъ находится подъ значительнымъ давленіемъ. Будучи тяжелѣе воздуха, выпущенный ядовитый газъ стелется по землѣ, слѣдуя за ней во всѣхъ ея неровностяхъ, заполняя собой всѣ воронки, канавы, ямы, встрѣчающіяся на его пути, насыщая до краевъ линіи окоповъ, застаиваясь въ высокой травѣ, стоящемъ на корню хлѣбѣ, въ лѣсахъ и кустарникахъ. Концентрація газа нѣсколько увеличивается сверху внизъ, газъ становится слѣдственно внизу болѣе ядовитымъ, почему человѣкъ, оказавшійся, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, лежащимъ на землѣ (раненый, одурманенный газомъ и т. п.), имѣетъ много шансовъ не встать болѣе никогда. Получается, такимъ образомъ, характерное добиваніе на полѣ боя раненыхъ и, притомъ, добиваніе массовое и безошибочное.

Вслѣдствіе того, что ядовитые газы являются элементомъ звѣрства, впрыснутымъ противникомъ въ тѣло войны лишь съ весны 1915 года, врачебному персоналу военно-лечебныхъ заведеній самимъ существомъ дѣла былъ подсказанъ цѣлый рядъ работъ по изслѣдованію природы газа, по ряду клиническихъ наблюденій, производимыхъ надъ жертвами, отравленными газомъ, по выработкѣ наиболѣе цѣлесообразнаго способа леченія, наконецъ, цѣлый рядъ работъ по профилактикѣ (устройство повязокъ, составъ жидкостей, пропитывающихъ повязку, рядъ мѣръ на полѣ боя для парализованія вреднаго дѣйствія газа и т. п.).

Быть можетъ, даже для широкихъ круговъ общества небезынтересно въ краткихъ чертахъ узнать, какъ изложены въ одномъ изъ докладовъ на эту тему, прочитанномъ въ Варшавѣ въ концѣ Мая 1915 года, клиническія наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ отравленныхъ ядовитыми газами чиновъ арміи.

«Изъ наблюденій и изслѣдованій отдѣльныхъ лицъ», говоритъ докладчикъ, «съ достовѣрностью обнаружено, что примѣняемый противникомъ ядовитый газъ состоитъ изъ хлора. Возможно думать, что наряду съ хлоромъ и одновременно съ нимъ примѣняются и нѣкоторыя его соединенія *)... На основаніи результатовъ патолого-анатомическихъ вскрытій и изслѣдованій крови, обнаружилось съ достовѣрностью, что кровь отравленныхъ содержитъ метгемоглобинъ, густота ея и свертываемость повышаются, что въ бронхахъ развиваются явленія бронхита и долькової пнеймоніи; вслѣдствіе измѣненій состава крови, происходятъ небольшія измѣненія паренхиматозныхъ органовъ и мозга, а также разстройство дѣятельности сердца и крово-

*) Напр., COCl, (хлорокись углерода)



Жертвы удушливыхъ газовъ. 1. Общій видъ одной изъ палатъ, наполненныхъ отравленными газами, въ Смоленскомъ госпиталѣ г. Варшавы. 2. Мл. унт.-оф. 55 Сиб. стр. полка Епанчинцевъ. Дышитъ кислородомъ, который онъ вымолилъ у сестры. 3. Стрѣлокъ 53 Сиб. стр. полка Замараевъ, которому ставятъ банки. Умираетъ отъ сильнаго двухсторонняго воспаленія легкихъ, кровохарканье. 4. Стрѣлокъ 53 Сиб. стр. полка Харламовъ. Багрово-синее лицо. Періодически дышитъ кислородомъ. Можетъ жить лишь въ полусидячемъ положеніи.

обращенія, приводящія къ смертельному исходу, вслѣдствіе развитія типической картины остраго отека легкихъ.

Въ клинической картинѣ первыхъ часовъ отравленія, въ случаяхъ средней степени, на первомъ планѣ выступаютъ явленія со стороны органовъ дыханія и кровообращенія и рѣзкое ослабленіе мышечной силы. Дыханіе учащается до 50—60 и больше разъ въ минуту и происходитъ со стономъ, вслѣдствіе крайне болѣзненныхъ ощущеній въ груди, въ подложечной области. Появляется натужной кашель съ выдѣленіемъ жидкой пѣнящейся мокроты, весьма часто окрашенной кровью, а также кровавая рвота. Одышка—до такой степени сильная, что работаютъ всѣ дополнительныя дыхательныя мышцы... Пульсъ—слабаго наполненія, легко сжимаемъ, становится частымъ, до 120—140 въ минуту, и иногда не прощупывается въ лучевой артеріи. Общая мышечная слабость дѣлаетъ больныхъ неспособными къ самостоятельнымъ передвиженіямъ. Кожа лица и периферіи конечностей часто имѣетъ синюшную окраску... Въ тяжелыхъ случаяхъ у больного быстро развивается картина отека легкихъ... У большинства появляется лихорадка, у нѣкоторыхъ температура достигаетъ 39°—40°... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя и замѣчается ціанозъ лица и периферіи конечностей, тѣмъ не менѣе болѣзнь протекаетъ не столь энергично, и съ кашлемъ выдѣляется гнойная, желтаго цвѣта мокрота. При объективномъ изслѣдованіи наблюдается картина долькової бронхо-пневмоніи и различныя степени разстройства сердечной дѣятельности, съ видимымъ переполненіемъ кровью правой половины сердца... У нѣкоторыхъ на 3-й—4-й день наблюдалась подкожная эмфизема шеи, въ зависимости отъ надрыва слизистой оболочки бронховъ при натужномъ кашлѣ».

Къ этому надо добавить, что смертность отъ отравленія ядовитымъ газомъ среди больныхъ доходитъ иногда до 12%, причемъ сюда не входятъ, конечно, всѣ тѣ, которые погибли отъ него на полѣ чести.

Подумавши обо всемъ сказанномъ и произведя нѣсколько несложныхъ ариѳметическихъ вычисленій, спросите себя, что вамъ хочется крикнуть въ гнойное лицо врага — слово благословенія или проклятія?

ВОЕННО-САНИТАРНАЯ
БИБЛІОТЕКА
И. К. П.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр
Чарторійскъ	1
Ужасъ на станціи Радзивилишки	9
Сестра милосердія Петровская	12
Реликвіи Шопена	14
Казакъ Цѣпинъ	16
Горючая жидкость	17
Холмщина	20
Кресты и статуи	26
Метаніе бомбъ надъ Цѣхановомъ	33
О. Вознесенскій	41
Квартира сельскаго учителя въ Эллеѣ	47
Отравленныя лепешки	49
Лагерная церковь близъ Конска	56
Первыя звенья страшной цѣпи жестокостей	61
Костелъ въ Парадызѣ	65
Разрывныя пули	70
Драгунъ Новороссійскаго полка Бритвинъ	81
Село Рахане	86
Удушливые газы	93

Государственно-
Графическое Заведение
УНІОНЪ
Петроградъ, С.Загорная пер. 11
Телефонъ 70-11

ИЗДАНІЕ СОСТОЯЩАГО ПОДЪ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА О РАНЕНЫХЪ. ПЕТРОГРАДЪ. МЫТНИНСКАЯ УЛ., 27.

КЛИШЕ И ПЕЧАТЬ ИСПОЛНЕНЫ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКОМЪ ЗАВЕДЕНІИ «УНІОНЪ». ПЕТРОГРАДЪ. Б. КАЗАЧІЙ ПЕР., 11. ТЕЛ. 30-11.